

Борьба за демократию на Волге

1. ЗАДАЧИ КОМУЧА

Приступая к обзору деятельности Комитета Членов Учредительного Собрания я, прежде всего, позволю себе поставить один предварительный вопрос: в чем был пафос борьбы на Волге? Что составляло, так сказать, основную сердцевину программы Комуча, во имя которой он начал восстание против большевиков и вел ее впоследствии на два фронта?

У большевиков, как нам известно, пафос борьбы давал лозунг — диктатура пролетариата. Во имя этого лозунга была построена вся борьба с Временным Правительством и со всеми правительствами, возникавшими впоследствии на территории России. Во имя этого лозунга рабочие шли на подвиги, на смерть и на преступления, им были зажжены сердца измученных, отчаявшихся классов русского народа, во имя его рабочий пошел против своего брата крестьянина...

Основой белого движения было стремление создать военную диктатуру.

Что же этим двум диктатурам — справа и слева — было противопоставлено волжским движением?

И еще одно. В чем Комуч видел свое главное задание — в борьбе ли с Германией, или в борьбе с большевизмом?..

Этот вопрос я ставлю не без основания, ибо, как мне известно, даже между нами — участниками волжского движения — до сих пор нет единства мнения по этому:

кардинальному и основному для нас вопросу. Одни говорят, что главная и основная задача волжского движения, дававшая пафос и внутреннюю силу ему, заключалась в борьбе с Германией. Германия, с ее движущимися полчищами внутрь России — вот был наш главный враг, на борьбу с коим мы и призывали весь русский народ. Другие, наоборот, утверждают, что главная и основная цель волжского движения была борьба с большевиками, а борьба с Германией составляла лишь привходящий элемент, выдвинутый последними событиями русской жизни.

Поставленным вопросом я особенно усиленно занимался в последнее время. Не полагаясь ни на свои личные впечатления, ни на свою память и на свое отношение к волжскому движению, я исследовал целый ряд материалов: приказов, речей, деклараций, и результаты этой работы я и представляю вниманию читателя. Чтобы ответить объективно на поставленный вопрос, мы обратимся к указанным мною материалам.

Так, в воззвании Комуца, в первом его акте, говорится: «Власть, предавшая немецкому штыку, опозорившая страну перед всеми народами своим предательским сепаратным миром, заклеившая родину позорным именем изменников, позорно, с лакейской угодливостью, исполняющая все немецкие приказы, штыком и насилием захватившая власть в стране, вопреки воле народа, посягнувшая на эту волю в лице Учредительного Собрания, теперь сметена тем же оружием. Переворот, совершенный нами благодаря подходу к Самаре доблестных чехословацких отрядов, совершен во имя великого принципа **народовластия и независимости России**».

И дальше. В приказе № 1, о принятии власти Комуцем, от 6-го июня, т. е. написанном за два дня до взятия Самары, в конце говорится: «Призываем всех граждан сплотиться вокруг великого и всенародного Учредительного Собрания, дабы восстановить в стране закон, покой и порядок. Единая, независимая, свободная Россия. Вся власть Учредительному Собранию. Вот лозунги и цели новой революционной власти».

Я обращаю внимание на одно выражение — «единая Россия». Это слово «единая» Россия будет употребляться в дальнейшем во многих приказах. Таким образом, оно употреблено не случайно.

Чрезвычайно ясно и еще более отчетливо, чем в предыдущих строках, определяет свою позицию и пафос борьбы Комуч в обращении к союзникам. Там, между прочим, говорится: «Комуч своей ближайшей задачей ставит укрепление власти Учредительного Собрания. Создание национальной армии для борьбы с внешним врагом. В области внешней политики Комитет Учредительного Собрания сохраняет верность союзникам и отвергает всякую мысль о сепаратном мире, а потому не признает силы Брестского мирного договора».

Настроение руководителей волжского движения отчетливо выявилось в обращении к крестьянам Самарской губернии, подписанном Брушвитом, Климушкиным и Фортунатовым, тремя членами Комуча, т. е., в сущности, значительным большинством его первоначального состава:

«Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание, — говорится в этом документе. — Да здравствует защита родины от жадных иноземных полчищ, руководимых Вильгельмом и его приспешниками. Да здравствует великий русский народ. Да здравствуют наши союзники в борьбе против германского насилия. Да здравствуют наши кровные братья чехи, словаки, сербы и все славяне. Долой насильников. Да здравствует свобода, равенство и братство».

Наконец, если мы проследим все дальнейшие официальные документы Комуча, как-то, приказы, воззвания и декларации, выпущенные в августе месяце за подписью уже свыше тридцати лиц, то и в них мы найдем те же самые мотивы, даже ту же страстность в выражениях, что и в приведенных.

Но, это, возразят мне, официальные документы, отражавшие, естественно, главным образом, мнения, настроения и позицию официальных органов, в данном случае «Комуча». Но как подходили к заданиям момента другие

деятели Комитета и другие группировки, поддерживавшие Комуч в его борьбе за демократию?

Минин, влиятельный член Учредительного Собрания, на митинге 20-го июля в Самаре, говорит: «Очередная задача момента — это возрождение России — **национальное возрождение**».

Гендельман, член ЦК ПСР, на том же митинге к словам Минина добавляет: «Свержение большевиков есть **одновременно переход на военное положение с Германией**».

П. Д. Климушкин, в своем обращении к Самарскому Союзу Женщин, говорит: «Молодая Народная Армия, созданная для защиты истинного народовластия и для борьбы с германо-большевизмом, несет уже великие жертвы».

Веденяпин, член ЦК ПСР (но не член Комуча), в письме на имя Редакции Вестника Комуча, пишет: «Основная задача партии является борьба за восстановление независимости России и возрождение ее **национального государственного единства**».

Особенно выпукло, не оставляя никаких поводов к кривотолкам, Комуч выражает свою позицию в обращении к Донскому казачеству: «Сорганизовавшийся в Самаре Комитет Членов Учредительного Собрания, — говорится в этом обращении, — выкинул стяг возрождения России для борьбы с **большевиками и немцами**».

Союз Инженеров и Техников гор. Симбирска в своей резолюции по текущему моменту говорит: «Все должны объединиться в единую партию — спасения России, которая поставит себе целью, совместно с славными союзниками, изгнать из России германские войска и честно довести войну до почетного мира».

Войска были мобилизованы, конечно, для борьбы в первую очередь с большевиками. В манифесте, объявляющем мобилизацию, говорится ясно: «Именем народа, именем Учредительного Собрания, призываем для борьбы с **предателями России, Свободы и Революции**, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности объявляется диктуемый государственной необходимостью призыв в ряды Народной Армии». Но борясь с большевика-

ми, Комуч неизбежно переходил на военное положение с Германией. Несомненно, однако, что главное ударение нужно сделать все-же на первом моменте, на борьбе с большевизмом, хотя бы уже по одному тому, что, не победив большевиков, нельзя перейти на активную борьбу с Германией. Правда, реально вопрос борьбы с Германией не стоял в то время перед нами, т. е. реально в том отношении, что мы не должны были посылать сейчас же свои войска на немецкий фронт, но это, однако, нисколько не ослабляло и не ослабляет наших принципиальных позиций. Из цитированных документов мы ясно видим, что Комуч все же эту задачу ставил в свою программу, видел ее перед собою и готовился к ней.

Правда, мир с немцами был заключен, фронт был сорван, войска распущены.

С другой стороны, однако, сама жизнь и создающаяся политическая обстановка выдвигала на очередь второй пункт нашей основной программы. Нужно иметь в виду, что германская опасность была не мифом в то время, а действительностью. Немцы, захватив Украину, начали понемногу продвигаться уже и вглубь центральной России. Не имея под рукой достаточно информации, русское население в Поволжье смотрело на это продвижение с некоторой преувеличенной испуганностью. Например, у нас, в Самаре, говорилось, что немцы подходят уже к Царицыну и, не сегодня-завтра, может быть, появятся близ Самары. Эти планы в то время казались вполне возможными и естественными. Всем было известно, что Германия, истощенная 4-летней войной, крайне нуждается в продовольственных запасах. Волга, с ее невычерпанными еще складами хлеба, представлялась для немцев весьма крупной ценностью. Таким образом, продвижение немцев к Волге приобретало в наших глазах вероятность.

С другой стороны, нам было ясно, что большевики не будут признаны союзниками, как в силу их внешней политики, так и внутренней. Германия же, заключившая с большевиками удачный договор и тем выведшая Россию из боя, постарается во что бы то ни стало поддер-

жать их, хотя бы только на время войны с союзниками. Создавался, таким образом, неизбежный союз. Поэтому распространяемые слухи о продвижении немцев к Волге, как для собирания хлебных запасов, так и для возможного оказания вооруженной поддержки большевикам, казались естественными и правдивыми. Этим, как мне думается, и объясняется то напряженное отношение к немцам, какое мы видим в среде всех слоев русского населения, и то, что, ставя своей целью борьбу с большевиками, Комуч одновременно считает неизбежным и переход на военное положение в отношении Германии.

2. ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ КОМУЧА

Итак, в предыдущей главе мы указали, что главной задачей борьбы на Волге являлась борьба с большевиками, как с внутренним врагом, и восстановление борьбы с Германией, как с врагом внешним. Но, борясь с этими врагами, внутренним и внешним, что же Комуч противопоставил во внутренней политике демагогии большевиков; как себе мыслил Комуч всю свою остальную деятельность, свое государственное творчество?

Постараемся ответить на этот вопрос при помощи официальных данных, кои в настоящее время имеются в нашем распоряжении.

Прежде всего, необходимо сделать одну оговорку, весьма существенную и весьма много нам объясняющую.

«Комуч», взяв на себя тяжесть организации противобольшевицкой борьбы, за все время своего существования, как в первый период, так и во второй, считал себя властью временной, не призванной разрешать основных проблем государственной жизни России. Хозяином земли русской, призванным разрешать все эти проблемы, поставленные историей России, должно явиться, по его мнению, Учредительное Собрание. Ему, и только ему одному, принадлежит это право. Все правительства, где бы они ни были, как бы они ни были созданы, имеют право лишь на временное разрешение тех или других вопросов, хотя

бы по существу и весьма важных и крупных для России. Этим и объясняется то, что Комитет во всех своих приказах и декларациях всегда подчеркивал, что «впредь до Учредительного Собрания», «впредь до разрешения вопроса будущими государственными органами» постановляется то-то и то-то. Этим объясняется и то обстоятельство, что Комитет вместо законов издавал приказы, вместо министерств создал ведомства и вместо министров — управляющих ведомствами.

Всем этим Комитет хотел подчеркнуть, что он считает как себя, так и все свои деяния лишь временными, преходящими. Как на свидетельство, доказывающее правдивость моих утверждений, можем сослаться на автора далеко не сочувствующего Комучу, как организации эсэровской, с его точки зрения, а именно на Майского. В своей книге «Демократическая контр-революция», изданной в Москве, после его перехода к большевикам, он также пишет: «Комитет с самого начала рассматривал себя, как временное, в первую неделю существования — даже, как на очень кратковременное учреждение».

Такое положение, само собой понятно, не располагало к созданию вполне продуманной и законченной программы. Этим также, мне думается, объясняется и то обстоятельство, что Комитет разрешает вопросы не в той их последовательности, в какой следовало бы это сделать при других обстоятельствах, выдвигая иногда на первый план вопросы, менее значившие для жизни государства, чем другие, и отодвигая назад такие вопросы, кои, казалось бы, заслуживали наибольшего внимания и наискорейшего разрешения. Также, как мы это видим по датам приказов, вопросы разрешаются с большими перерывами, в некоторой бессистемности, как бы от случая к случаю.

Это с одной стороны. С другой стороны, Комуч работал в обстановке военных боев. С полным основанием и в буквальном значении этих слов, можно сказать, что Комуч работал на передовых позициях, ибо вся территория Комуча в первые несколько недель определялась городом Самарой и его ближайшими окрестностями, радиу-

сом в 20-30 верст. Изю дня в день приходилось ждать натиска врага, готовиться к отходу и, быть может, к бегству, и, понятно при такой неуверенности в завтрашнем дне не создавалось благоприятных условий и импульсов для постановки в программу дня большой, законченной платформы государственной деятельности.

Кроме того, в первые два месяца, наиболее значимые и интенсивные во всех отношениях, работало в Комуче, по существу, всего лишь 2½ человека, что, конечно, не могло не отразиться, как на качестве работы его, так и на количестве.

Поясним это несколько детальнее. Как известно нам из предыдущей статьи, первоначальный состав Комуча состоял из пяти человек: Вольский, Брушвит, Климушкин, Нестеров, Фортунатов. Из них Фортунатов все время, дни и ночи, проводил на фронте, появляясь в Самаре лишь изредка, на два-три часа, для разрешения опять-таки некоторых вопросов, выдвигаемых фронтом. И. П. Нестеров с первых же дней волжской борьбы занялся казачьими делами и так же все время был в отъезде — то в поезде в Уральск, то в поезде в Оренбург; И. М. Брушвит, в качестве нашего присяжного дипломата, большую часть времени в первые дни проводил в разъездах и переговорах то с чехословаками, то с сибиряками, то с местными общественными и финансовыми кругами, отдаваясь внутренней работе Комуча лишь на половину.

Таким образом, вся внутренняя работа Комуча — законодательная, организационная, политическая и даже техническая — легла в первый момент всею своею тяжестью, по преимуществу, на плечи двух членов Комуча — на В. С. Вольского и П. Д. Климушкина. Как бы ни были талантливы и энергичны названные лица, все же справиться им со всею работой было чрезвычайно трудно. Это обстоятельство, как я сказал уже выше, также отразилось на продуктивности и систематичности в работе Комуча.

С другой стороны, сама жизнь выдвигала иногда такие вопросы, кои необходимо было во что бы то ни ста-

ло, если не разрешить, то так или иначе на них ответить. Так, например, не разрешив аграрного вопроса, нельзя было рассчитывать на какое бы то ни было участие крестьянских масс. Комитет в своей деятельности, опирающейся по преимуществу на крестьянство, или, во всяком случае, желающий на него опираться, должен был подойти к разрешению этого вопроса. Вопрос об отношении к советам рабочих и крестьянских депутатов также был выдвинут самой жизнью, и на этот вопрос Комуч должен дать также свой ответ. И таких вопросов, требующих разрешения, было не мало.

Наконец, еще одна необходимая оговорка. В мемуарах некоторых правых авторов указывалось, что Комуч в своей деятельности руководствовался исключительно интересами партии большинства и все вопросы разрешал в зависимости от того, как они были предрешены партийными постановлениями, ни на иоту не желая поступиться программными решениями партии во имя интересов государства.

Это утверждение также не соответствует действительности. Конечно, программу Комуча в значительной степени предрешала вся предшествующая деятельность как Учредительного Собрания, так и Временного Правительства, и многие постановления партии, но вместе с тем Комуч, при решении целого ряда вопросов исходил не из того, что постановила партия, а из того, что в данный момент диктовалось ему государственной необходимостью, требованиями момента и обстановкой. Как один из участников и руководителей этого движения, категорически утверждаю, что ни в одном из своих решений, ни в одном из своих заседаний, Комитет, ни отдельные члены его, никогда не мотивировали свои решения решениями съездов или ЦК партии; наоборот, в чрезвычайно многих заседаниях и совещаниях неофициального характера, члены Комитета с полной откровенностью шли иногда на конфликт с постановлениями партии. Мы понимали, что теоретические постановления партии не всегда могут согласоваться с запросами жизни и что обязанность

политического деятеля не заключается в том, чтобы рабски копировать или детально проводить в жизнь постановления партии, а, беря их за основу, корректировать в соответствии с требованиями жизни. Если и не было в наших постановлениях принципиальных отклонений от позиции партии, то именно потому, что Комуч считал необходимым разрешить вопрос именно так в силу сознания, что это вызывается интересами государства, а не партии.

Сделав эти оговорки, мы можем перейти к выяснению программы Комуча.

Основные пункты программы были выявлены Комитетом в первых же его приказах и воззваниях. Так, в цитируемом нами воззвании Комуча к гражданам Самары говорится, что «переворот совершен во имя великого принципа народовластия и независимости России». Далее, в приказе № 1 — о принятии власти Комучем — уже устанавливается целая программа Комитета: «Во всей полноте своих прав — говорится в нем — восстанавливаются, распущенные советской властью, органы местного самоуправления; все ограничения и стеснения в свободах, введенные большевицкими властями, отменяются, и восстанавливается свобода слова, печати, собраний и митингов. Революционный трибунал, как орган, не отвечающий истинным народно-демократическим принципам, упраздняется, и восстанавливается народный окружный суд. Единая, независимая, свободная Россия! Вся власть Учредительному Собранию! Вот лозунги и цели новой революционной власти».

Итак: Учредительное Собрание, восстановление органов самоуправления, непризнание Брестского мира и борьба с Германией, воссоздание армии и воссоздание России — таковы, по существу, основные цели Комуча, воодушевившие его и зажегшие на столь ответственное перед страной дело.

Иначе говоря, диктатуре слева и справа была противопоставлена «демократия».

Эти несколько строк отчетливо и ясно говорят нам

о характере новой власти и о том направлении, по какому она пойдет в своей деятельности. Вкратце, эту программу можно охарактеризовать, как революционную программу демократии, как отрицание тех принципов, кои были выдвинуты большевицкой программой. Не случайно Комуч, в первый же день своей власти, выбросил над своим зданием красный флаг. Большинство населения отнеслось к этому акту его с недоумением, обвиняя Комуч в большевизме и в тому подобных грехах. Некоторые даже встретили появление красного флага очень грубыми выкриками, вроде: «Долой эту красную тряпку!»

Но Комитет и в этом вопросе проявил большую настойчивость. Комуч полагал, что то, что делали большевики, разогнав Учредительное Собрание, отбросив свободные выборы, подавив свободу слова и печати, есть, по существу, контр-революция. Борьба Комуча есть борьба за возвращение народу его свобод и, следовательно, есть по существу борьба революционная. Символ революции — красное знамя. Вот почему именно красное знамя мы выбросили на своих зданиях. Этим фактом мы хотели подчеркнуть как перед своими друзьями по идее, так и перед своими врагами, характер нашей власти и нашей деятельности и характер всей дальнейшей нашей революции.

Начиная борьбу с большевиками, на какие же силы мы делали ставку? Вот вопрос, на который необходимо ответить, прежде, чем приступить к детальному выяснению программы Комуча.

Мы отлично понимали, что от установления этого основного положения зависит весь дальнейший характер нашей работы.

Совершенный нами переворот не был поддержан активно рабочими, исключая, конечно, те немногочисленные группы, которые шли вместе с Комучем. Значительная часть рабочих осталась вне сферы нашего влияния, не оказывая нам ни активного сопротивления, ни активной поддержки. Даже та часть рабочих, которая находилась под влиянием, в то время нам весьма сочувствовавшей, партии социал-демократов меньшевиков, относясь к

нашему начинанию сочувственно, все-же держала, как в то время считалось выражаться весьма модным, нейтралитет. Ясно из сего, делать ставку на рабочих мы не могли, ибо рабочие не тот авангард, не те силы, которые могли быть брошены нами в бой против большевицкой диктатуры; с другой стороны, рабочие все же та сила, с которой приходилось считаться и каковую небезопасно было иметь своим противником. Необходимо было, выражаясь военным языком, обезопасить свой тыл, т. е. от возможности активного выступления рабочих против новой власти. Говоря проще, необходимо было, считаясь с рабочими, как с силой, сделать все возможное, чтобы из нейтральных друзей не сделать активных врагов. При создании своей рабочей программы мы должны были с этим считаться, учитывать это, и соответствующим образом разработать свою рабочую программу, рассчитанную, если не на вовлечение их в активную борьбу, то, во всяком случае, на нейтрализацию их.

Вторая сила — крестьянство. В начале, бесспорно, крестьянство встретило самарский переворот с большим сочувствием и даже воодушевлением, выявив это во многих местах активно. Оно было настроено анти-большевицки и готово было оказать нам всяческую помощь, включительно до вооруженной борьбы. Весь Заволжский район был охвачен крестьянскими беспорядками, направленными против советской власти. Казачество, — по существу, то же крестьянство, — вело уже эту активную борьбу; так что у нас имелись в то время все основания утверждать, что крестьянство, при создании некоторых благоприятных условий, могло бы принять активное участие в анти-большевицкой борьбе. Считая крестьянство основной базой, основной силой в борьбе с большевизмом, мы должны были уделить все свое внимание этой силе и разработать крестьянскую программу так, чтобы она, не противореча общегосударственным интересам, отвечала основным насущным запросам деревни. Этим и объясняется, что земельный вопрос был разрешен одним из первых и разрешен самым радикальным способом, на какой, мо-

жет быть, Комуч, как власть временная, и не имел формальных прав.

Наконец, третья сила — военные круги и интеллигенция. Не вдаваясь в анализ ни значения, ни весомости, ни численного количества этой группы русского населения, я формулирую лишь вкратце наше тогдашнее отношение к этой группе. Мы полагали, что эта организующая сила, этот командный кадр, имеет значение постольку, поскольку он отражает и возглавляет движение, поддерживаемое широкими массами. Сам по себе этот командный состав, с нашей точки зрения, не может иметь большого значения. Поэтому на военные круги и интеллигенцию мы смотрели, как на подсобный материал, как на кадры, кои могут лишь возглавить движение, руководить им, но отнюдь не составлять его основную силу, массу, способную противостоять большевицким массам. Роль интеллигенции и военных кругов должна быть служебная, подсобная, если так позволительно выразиться. Не выявляя своих групповых интересов в разрешении государственных вопросов, эти кадры должны идти с массами, поскольку требования этих масс совпадают с интересами государства в целом. Требования, выставленные русским крестьянством и частью трудовой интеллигенции, нам думалось, находятся в полном соответствии с интересами государства. Что касается специальных военных кругов, то, придавая большое значение офицерским группам и считаясь с ними, как с активной и весьма весомой группой, мы, вполне естественно, как социалисты и как государственники, ставившие на первое место интересы государства, а не группы, конечно, делать ставку на эту группу, как бы ни была она активна и как бы в данный переходный момент ни была весома; все же подчинить интересы масс, в данном случае основного пласта — крестьянства — мы, конечно, не могли. Но и здесь, и в этом, несомненно, наша ошибка, мы старались найти, как это увидим впоследствии, при обозрении деятельности Комуча, такой компромисс, который давал бы возможность сотрудничества с ними.

Таким образом, наше горячее устремление было направлено к тому, чтобы в этой борьбе с единым и общим врагом, большевизмом, были объединены все группы русского населения. Мы отлично понимали, что большевизм можно преодолеть лишь общим объединенным фронтом. Борьба будет выиграна только тогда, когда в войне будут участвовать все классы и все группы русского населения, нейтрализуя тыл, т. е. те группы, кои не могли участвовать на фронте. Мы старались, иногда идя даже на компромиссы, бросить на фронт все живое, все способное к активной борьбе с большевиками. Сложение сил — вот наш лозунг в практической работе по созданию антибольшевицкого фронта.

Исходя из вышеизложенных основных своих предпосылок, Комитет в первые же дни своей работы употребил все усилия к тому, чтобы вовлечь в процесс жизни и в создание разрушенных большевиками учреждений широкие массы русского населения. Как метод этого вовлечения, он избрал те же съезды, рабочие конференции и тому подобные организации, существовавшие до большевицкого переворота. Так, например, распустив советы рабочих и солдатских депутатов, созданные большевиками, он в тот же день спешит заявить, что в ближайшее же время будет созвана рабочая конференция для организации и избрания нового совета рабочих депутатов. Считая советы принципиально, как пережиток первых революционных дней, утратившими реальное значение, тем не менее Комуч считал необходимым этот «пережиток» сохранить и на дальнейшее время. Не для защиты, конечно, политических прав рабочих, ибо для этого имелись более сильные организации, а именно политические партии, и не для защиты профессиональных интересов, ибо для этого также существовали соответствующие организации — профессиональные союзы, но именно, как рабочую трибуну, где широкие массы, не имея возможности непосредственно участвовать в управлении государством, могут участвовать в творческой работе уже тем, что, критикуя власть и ее деяния, они тем самым становятся соучастни-

ками деятельности этой власти. Критикуя и исправляя деяния этой власти, они неизбежно вовлекутся и в самый процесс творчества и ответственности. В действительности это и было на Волге. Собираясь в начале на съезды или конференции, рабочие и крестьяне начинали с резкой оппозиции к тем или другим деяниям власти, а потом, постепенно втягивались в обсуждение интересов текущей жизни. Мы не только не боялись этой открытой трибуны, но сами, сознательно, с полной искренностью шли на организацию таких съездов и конференций. В каждом городе, освобожденном от большевиков, немедленно же, по нашей инициативе, или по инициативе идейно-близких нам организаций, созывались в первую очередь крестьянские съезды и рабочие конференции. На этой почве нам пришлось выдержать борьбу как с правыми организациями, так и с военными кругами, в особенности с последними. Этот метод наш вовлечения широких масс в процесс жизни и тем самым в борьбу с большевиками они называли «керенщиной» и «совдепщиной». Представители военных кругов и, в частности, нашего военного ведомства, не раз заявляли, что они не могут смотреть спокойно на эту совдепщину, опять начинаемую нами сызнова по примеру 1917-го года. «Пора кончить с этим. Довольно этой болтовни». Повторяем, мы и сами понимали, что эта, так называемая «болтовня», не может, конечно, помочь в деловой части практической работы, каковой особенно большое значение придавали, как буржуазные, так и военные круги (а мы созывали и устраивали крестьянские съезды и рабочие конференции). Но именно она, так называемая «совдепщина», и только она, может успокоить широкие народные массы в их отношении к новой власти. Так называемая Самарская рабочая конференция началась с горячих оппозиционных речей, а после целого ряда наших выступлений и разъяснений, кончилась вынесением резолюции о поддержке и доверии к Комучу. И для того времени — времени подозрений ко всякой новой власти, еще неизвестной им, оперировать так было неизбежно. В период широкого недоверия, в особенности крестьян-

ских масс, ко всяким политическим акциям, после большевицкого «пуча», после такого грубого разгона Учредительного Собрания, нужно было быть особенно внимательным и осторожным к настроениям этих масс. Народные массы вправе были с недоверием следить за всякими новыми политическими акциями, и чтобы успокоить и устранить это недоверие мы не видели никакого иного метода, как только предоставить этим массам широкое участие в обсуждении политических событий и деяний власти. С своей стороны, идя всячески навстречу народным массам, мы старались дать самую подробную информацию, как о своей прошлой, предшествующей выступлению, работе, так и о своей текущей деятельности и о будущих планах. Мне думается, именно благодаря этому мы в самый незначительный срок сумели преодолеть скептицизм широких масс и внушить к себе большое доверие и готовность поддержать нас. Как увидим из дальнейшего, все съезды, и крестьянские и других групп, кончались тем, что выносили резолюцию, приветствовавшую новую власть и благословляющую ее на дальнейшую борьбу с большевизмом. Таким образом, вовлекая народные массы в политическую жизнь, нам удалось сделать то, что мы считали необходимым для успешности борьбы с большевиками, а именно: заручиться положительными и неоспоримыми симпатиями крестьянства и обеспечить себе благожелательный нейтралитет в среде рабочих.

3. КОНСТРУКЦИЯ ВЛАСТИ

Еще приступая к организации восстания, мы, группа инициаторов волжского движения, неоднократно задавали себе вопрос: как сконструировать власть после свержения большевиков? Кто эту власть имеет право организовать и от чьего имени она должна действовать?

Нам казалось, что, несмотря на факт разгона Учредительного Собрания мы можем действовать только от имени этого Учредительного Собрания. Неважно, что нас немного, но авторитет Учредительного Собрания с нами

и только члены этого разогнанного Учредительного Собрания, нормального господина земли русской, могут представлять в данное время на каждом клочке русской земли законную власть. Считая вопрос с созывом Учредительного Собрания для себя ясным и бесспорным, считая также неоспоримыми и права членов Учредительного Собрания на руководство противобольшевицким движением во имя восстановления Учредительного Собрания, мы в то же время полагали, что Учредительное Собрание первого состава, треть членов коего вышла из состава его, не может претендовать на полноту власти. Его роль должна заключаться в том, что оно, доведя борьбу до конца, назначает новые выборы и расходится.

Но так как нет ни органа, ни учреждения, которые были бы в праве распустить Учредительное Собрание, то мы считали, что только само Учредительное Собрание может и правомочно это проделать. Посему Учредительное Собрание первого состава, по нашему мнению, должно было быть созвано. Оно издает избирательный закон, назначает новые выборы, и с этим распускается.

В этом желании во что бы то ни стало созвать Учредительное Собрание первого состава многие наши политические противники видели какой-то ловкий маневр, — чуть ли не шантаж. Дескать, вот, созовут Учредительное Собрание, захватят власть в свои руки, назначат своих министров, а потом и не разойдутся, а как большевики, объявят себя полновластным хозяином земли русской и будут продолжать управлять страной. Тогда и борись с ними!..

Конечно, в той нездоровой обстановке, в которой нам приходилось в то время работать, возможны и, пожалуй, законны, были такие подозрения. Всякие уверения и клятвы в противоположном казались тогда ловкой игрой, ни к чему никого не обязывающей. Так было тогда, но теперь, когда эти страсти улеглись, когда борьба закончена и клочек русской истории, именуемый гражданской войной, канул в вечность, можно говорить с полной объективностью и искренностью, не боясь, что тебя за-

подозрят во лжи или в политической игре. Посему позволительно на этот вопрос, игравший чрезвычайно большую роль в политической жизни Поволжья и Сибири, ответить со всей искренностью и правдивостью. Я, как один из самых активных участников волжского движения, бывший в курсе всех переговоров и намерений, со всей категоричностью заявляю, что ни у кого из членов Кому-ча, ни из членов ЦК партии, таких маккиавелиевских настроений и планов не было. Все мы, как члены Учредительного Собрания, так и члены ЦК партии, были искренно убеждены, что Учредительное Собрание первого состава не может претендовать на доверие всего русского народа, и посему, во имя интересов государства, должно быть распущено и, если мы не соглашались на объявление этой ликвидации немедленно, то не потому, как многие думают, что мы хотели кого-то обойти, кого-то обставить, а потому, что на такой роспуск, теперь же, немедленно, без согласия самого Учредительного Собрания, никто не имел права. Роспуск власти, избранной всем народом, даже совершенно авторитетными группами и партиями, убил бы в народных массах всякое доверие к Учредительному Собранию и всякое уважение к юридическим нормам.

Таким образом, наша позиция в вопросе о конструкции власти формулировалась весьма ясно: в будущем — созыв Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. В данное время верховную власть представляет Учредительное Собрание данного состава, в лице Комитета членов Учредительного Собрания. Правительство, как деловой аппарат, может быть создано только по соглашению с ним. Этой точки зрения держались не только мы, но и большинство других демократических партий и городских и земских самоуправлений. Так, например, чрезвычайный съезд земств и городов в Самаре, в резолюции по текущему моменту, говорит: «В виду невозможности созыва нового Всероссийского Учредительного Собрания должно быть создано единое всероссийское правитель-

ство по соглашению Комуча с областными правительствами».

Нас упрекали и упрекают еще до сих пор в том, что мы, захвативши власть в свои руки на Волге, не хотели будто бы поделиться ею ни с кем из других политических партий, занимая все ответственные места членами Учредительного Собрания и членами партии социалистов-революционеров.

Это утверждение не соответствует действительности. Оставаясь верными своему основному принципу вовлечения широких масс русского населения и стремясь к собиранию сил, Комуч в первые же дни своей власти обратился с предложением ко всем существовавшим в Самаре партиям принять участие в создаваемом им правительстве. Эти переговоры об участии во власти были поручены пишущему эти строки, как руководителю, выражаясь политическим языком, ответственному за внутреннюю политику Комуча. В первую же очередь, я опять начал переговоры с социал-демократами, с которыми, как мне казалось, мы можем скорее всего договориться. Развив им вкратце нашу программу деятельности, наши основные тактические и политические принципы, я спросил, могут ли они теперь, когда борьба вооруженная с большевиками началась, принять активное участие в деятельности Комуча и на каких условиях и когда? От социал-демократов вели со мной разговор председатель губернского комитета Лепский и Кабцан. Оба они, примерно, ответили то же, что ответили при первых переговорах, когда я приглашал их к организации борьбы с большевизмом, а именно: оставаясь на тех же позициях, т. е. признания неизбежности вооруженной борьбы с большевиками, они, однако, за свой страх не могут разрешить этого вопроса, до тех пор, пока не получат инструкции от центра или же от высшей местной инстанции, от областного комитета. В ближайшем будущем, заявили они, состоится областной съезд партии, и этот вопрос будет подвергнут там обсуждению. В зависимости от постановления этого съезда, они и будут действовать в данном конкретном случае.

Областной съезд или областная конференция социал-демократов состоялась 16-го августа, в городе Самаре, и на нем была вынесена следующая резолюция: 1) Принимая во внимание, что в настоящий момент перед революционной демократией стоит задача спасения страны и воссоздания единой демократической России, настоятельно требующая максимального сплочения ее сил под знаменем Учредительного Собрания, 2) что эта цель легче и полнее может быть достигнута на почве положительной работы по восстановлению нормальной экономической жизни страны, 3) что один из важнейших моментов подобного восстановления является урегулирование отношений между трудом и капиталом, чтобы, при гарантии свободного развития производительных сил, интересы трудящихся были всемерно охранены методом широких социальных реформ, осуществимых в рамках капиталистического строя, 4) что политика Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания до сих пор, в общем, соответствовала указанным выше заданиям — спасению революции и воссозданию единой демократической России и задания, по заявлению его ответственных представителей, обещают остаться таковыми и в дальнейшем, 5) что при таких условиях долг и обязанность социал-демократов оказать всемерную поддержку Комитету членов Всероссийского Учредительного Собрания в стоящей перед ним грандиозной творческой государственной работе, — Областной Комитет РСДРП территории Всероссийского Учредительного Собрания постановляет санкционировать занятие тов. Майским предложенного ему Комучем поста управляющего ведомством труда»...

Таким образом, как мы видим, социал-демократы в конце концов формально приняли участие в гражданской борьбе, санкционировав участие в министерстве Комуча их товарища Майского. Они тем самым идейно разрешили всем членам своей партии участвовать в борьбе против большевиков. Нет сомнения, что эта резолюция с.-д. имела для нас большое значение, не только в области

моральной, но и практически-деловой. С принятием ее социал-демократы становились окончательно на путь активной поддержки антибольшевицкого движения. До ее принятия очень многие, весьма ценные социал-демократические работники отказывались идти на работу к Кому-чу, многие союзы отказывались давать добровольцев в Народную армию и содействовать в перевозке военных материалов; газеты занимали какую-то неопределенную позицию и т. д., и т. д. Теперь произошла значительная перемена. Среди партийных работников, к которым мы обратились с предложением принять участие в активной работе, мы нашли полный отклик, а голос с.-д. печати стал чище и определеннее. Но в общем, нужно все-таки отметить, что несмотря на принятие вышеприведенной резолюции, в поведении самарских с.-д. в отношении Кому-ча замечалась какая-то двойственность или, вернее сказать, невыдержанность. Одна часть работников, используя формальное разрешение, немедленно же вступила в сотрудничество с Комучем (Преображенский, Майский, Кунин, Белов и др.), другая часть, несмотря на это формальное разрешение, все же продолжала оставаться в стороне от политической жизни и от борьбы с большевиками. Мне думается, что это обстоятельство объясняется тем, что в среде с.-д., очевидно, не было единства во взгляде на гражданскую борьбу и на отношение к большевикам. Очевидно, часть с.-д. до последнего времени продолжала еще занимать позицию, согласованную с ЦК партии, т. е. отказа от гражданской войны и изживания большевизма мирным, эволюционным путем. Не преувеличу, если скажу, что значительная часть самарских с.-д., высказывая принципиальные симпатии волжскому движению, тем не менее как то старались держаться в стороне от активного участия в повседневной жизни, как бы считая это дело для них чужим и неподходящим. Что касается рабочих социал-демократов, то они и после вынесения резолюции областной конференции остались при прежних своих воззрениях и настроениях; сочувствуя вооруженной борьбе, они все же сами не принимали в ней ак-

тивного участия. Активное содействие было оказано Комучу лишь верхами с.-д. организации, по преимуществу интеллигенцией. Из видных работников приняли участие в работах Комуча лишь 5-6 человек, а именно: Майский, Преображенский, Белов и Кунин. Остальные работники, как Кабцан, Лепский и целый ряд иных видных руководителей с.-д. организации, остались в стороне, оказывая содействие лишь идейное, пассивное, а не активное.

Одновременно с переговорами с социал-демократами, я вступил в переговоры также с представителями к.-д. От них, как и в первый раз, вел переговоры председатель губернского комитета, присяжный поверенный Подбельский. Получив от меня всю нужную информацию, он сейчас же поставил этот вопрос на обсуждение губернского комитета и, явившись через три дня, заявил, что их комитет согласится вступить в переговоры об участии их в правительстве только при одном условии, если Комуч немедленно же откажется от своей позиции в земельном вопросе, т. е. немедленно же издаст приказ, приостанавливающий действие прежде изданных приказов о переходе земли к крестьянам.

Я обращаю внимание читателя на то, что речь шла не об условиях вступления в правительство, а об условиях, при которых могут быть начаты лишь переговоры об этом вступлении. Это обстоятельство Подбельский подчеркнул несколько раз с особенной силой, и добавил, что до тех пор, пока не будет издан таковой приказ, приостанавливающий действие земельных наших распоряжений, не может быть никаких разговоров об условиях совместной работы с Комучем.

Выслушав такое заявление, я спросил его: «А как же быть с землей, которая фактически уже находится в руках крестьян? Отбирать ее у них, или оставить в их владении, и вообще, какой позиции в этом вопросе должен был бы держаться тогда Комуч? Значит, землю необходимо отбирать обратно?» — спросил я.

«Зачем? — ответил Подбельский, — нет в этом никакой необходимости. Пусть остается все в том положении,

в каком оно есть в настоящее время. Мы не требуем, чтобы вы немедленно же начали отбирать у крестьян обратно землю, и проводить какую то иную политику, мы только настаиваем на том, чтобы этот фактический переход земли во владение крестьян не был вами узаконен и предрешен. Пусть вопрос остается открытым впредь до созыва Учредительного Собрания. Как разрешит его Учредительное Собрание, так тому и быть. Но до того момента, с нашей точки зрения, никакая власть не правомочна его решать. Что касается вашей ссылки на принятие закона в первом заседании Учредительного Собрания от 5-го января 1918-го года, то мы ее считаем несущественной, ибо самое это постановление, принятое на-спех, при ненормальных условиях, под давлением вооруженных солдат, мы не считаем закономерным. Но мы не можем не только участвовать, но и вести переговоры с правительством, которое санкционирует этот анархический захват»...

Само собой понятно, что после такого ответа представителя к.д. не могло быть и речи о дальнейших переговорах об участии к.-д. в правительстве. То, что для них казалось неправомерным захватом, и то, что им казалось, как закон, принятый Учредительным Собранием, незаконным постановлением, — нами считалось основой всей нашей социально-экономической политики. Я уже сказал выше, что основной базой, из которой мы надеялись черпать все наши силы для вооруженной борьбы с большевиками, считалось крестьянство и, чтобы привлечь крестьянство к активному участию, необходимо было гарантировать ему немедленный переход земли в его владение, и теперь, принявши закон Учредительного Собрания от 5-го января 1918-го года, как основу нашей земельной политики, вдруг отказаться от этого закона и идти на путь урезывания завоеваний деревни — значило бы немедленно же восстановить против себя всю деревню и толкнуть ее, наверняка, в объятия большевиков. Но, помимо этих чисто тактических соображений, мы не могли принять предложения к.-д. и по причинам принципиального значения. Переход земли в руки крестьянства — это одно из

самых основных требований нашей программы, каковое выставлялось нами, как членами партии с.-р., в течение долгих лет. Отказаться от него, это значило бы отказаться от самих себя и повторить ошибку Временного Правительства, медлившего с разрешением этого вопроса.

Словом, предложение к.-д. настолько было неприемлемо для нас, что в дальнейшем мы не делали уже никаких попыток, чтобы сговориться с ними о совместной работе. Точно также и к.-д., очевидно, расхождение между нами считали настолько серьезным и глубоким, что также не делали ни одной попытки, чтобы на чем то договориться, как то вклиниться в происходящие события и принять активное участие в повседневной государственной работе.

Больше того, начиная с первых же дней к.-д. занимают определенно оппозиционное положение в отношении Комуча. Их орган «Волжский день» начинает вести ожесточенную критику не только по отношению к отдельным лицам Комуча, к отдельным его деяниям, но и против самого принципа власти, отрицая за Комучем какие бы то ни было юридические права на создание всероссийского правительства. Расхождение, как видим, получилось и в этом вопросе коренное. Вначале их критика велась в довольно мирных и терпимых тонах, но чем дальше, чем успешнее развивалась борьба на Волге, тем критика становилась ожесточеннее, непримиримее и страстнее. В конце концов, она вылилась в такие формы, что на нее обратили внимание даже на фронте, и управляющий ведомством охраны счел необходимым вызвать редактора «Волжских Дней» и просить или о прекращении такой ожесточенной критики, или о ведении ее в нормах, приличествующих русской прессе. Дальше стало известным, что часть членов губернского комитета к.-д., во главе с Соловейчиком, секретарем комитета, Богоявленской и Коробовым, организовали комитет по отправке офицеров с Волги в Сибирь. Мне лично было также известно еще и то, что местные кадеты ведут интенсивные переговоры с кадетами сибирскими, но сущности этих разговоров нам

не удалось узнать. Кадеты, сочувствуя идейно антибольшевицкой борьбе, в действительности от этой борьбы не только уклонялись, но и сделали все зависящее от них, чтобы подорвать это движение и обессилить его. Насколько эта тактика была верна и соответствовала их планам, не берусь судить, ибо это не входит ни в мои задачи, ни в мои планы. В дальнейшем, как нам всем хорошо известно, к.-д. стали партией государственного переворота и оправдали идеологически, как арест Директории, так и все белое сибирское движение, называемое колчаковским.

Чрезвычайно характерна была позиция в отношении Комуча самарских промышленных кругов. Эту позицию лучше всего выявил Г. Неклютин, председатель самарского союза промышленников. Разговоры с ним велись при случайной встрече, полушутя, полусерьезно, но тем не менее и Неклютин и мы понимали, что они имеют большое принципиальное и для него и для нас значение и являются до некоторой степени обязывающими. Встречались мы с Неклютиным в купальне Яхт-клуба, где бывали и он и мы (я и Вольский) почти каждый день. Полушутя, полусерьезно, мы ему сказали, что почему это промышленные круги так слабо нас поддерживают и финансами и участием в работе наших государственных учреждений.

«Неужели вы не понимаете, — говорили мы, — что с провалом волжского фронта восторжествует снова большевизм, и тогда уж большевики будут действовать более решительно, чем они действовали до сего времени. Рассчитывать на сожительство частного капитала с государственным во время власти большевиков не приходится. Нам думается, промышленники это и сами сознают; с другой стороны, большевиков могут победить только социалисты, и с падением власти большевиков, власть может быть только социалистической и никакой иной. Отсюда ясно, что промышленники должны выбирать из двух зол меньшее. Наши позиции вы знаете. Являясь социалистами, мы все же в данное время сохранение частной

промышленности считаем в интересах самого же социализма и в интересах государства необходимым»...

На это Неклютин, чрезвычайно умный и образованный человек, впоследствии бывший министром торговли и промышленности в правительстве Колчака, так же, как бы полусхотливо, полусерьезно, отвечал:

«Мы понимаем разницу между вами и большевиками, но ваша власть, которая нас немного прирежет, но не дорежет, так же нас не успокаивает. Лучше умереть совсем, чем ходить недорезанным. Кроме того, мы знаем, и это самое главное, что вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции; вы, как мне кажется, подрываете дерево и под собой. Долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покотившись назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится, так зачем же нам связывать себя с вами? Мы будем до поры до времени вас немного поддерживать, немного вас подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму. Словом, нам невыгодно с вами связываться. Работайте уж вы одни, мы вам мешать не будем, но обессиливать себя, участвуя в вашей борьбе, нам тоже не резон»...

Несмотря на то, что эти разговоры велись в шуточных тонах, с взаимным смехом, тем не менее мы понимали, что в них кроется настоящая психология промышленного класса. Промышленники, — не говорю о всех российских, а о поволжских, — искренно были убеждены в чем я убедился потом из разговоров с другими лицами и целыми группами, что начавшееся обратное движение, как они говорили — контр-революционное, — не задержится на социалистах, а покатится дальше, если не к монархистам, то, во всяком случае, к представителям священной собственности и твердой власти. Они были глубоко уверены, что устранившись от происходящей борьбы между социалистами и коммунистами, они делают весьма умное, даже гениальное дело. Это положение они характеризовали весьма грубой, но меткой, русской поговоркой: «Две

собаки дерутся, третья не приставай», а кость то, говорили они, достанется нам. Мы знали эту их упрощенную позицию, насколько это можно было, пытались ее разбить, но большого значения участию промышленных групп в гражданской войне мы не придавали, на помощь их сил мы не рассчитывали, и поэтому не только серьезных, но и вообще формальных разговоров никогда не вели с ними. Не вели еще и потому, что были уверены в безнадежности этих переговоров, ибо слишком уж велико было противоречие между ними и нами, и согласовать их не представлялось никакой возможности. Если я и позволил себе привести частные разговоры с Неклютиным, то лишь для характеристики той позиции, какую занимали в отношении Комуча ответственные круги промышленников.

Конструкция власти была проста. В центре Комуч, т. е. Комитет членов Учредительного Собрания, как верховный орган управления всей территорией и как законодательная власть. Для управления делами и ведения практической политики был создан совет управляющих ведомствами или совет министров. На периферии — губернские уполномоченные и уездные.

Личный состав правительства был весьма однороден. Из 13-ти управляющих ведомствами было только 3 человека, не принадлежавших к партии социалистов-революционеров. В свое время правая печать видела в этом какое-то преступление с нашей стороны и упрекала в том, что мы сознательно не допускали к участию в правительстве никого из других партий, стараясь всюду и везде ставить своих однопартийцев.

Это было не совсем так. Значительная часть ответственных мест были, действительно, заняты членами партии с.-р., но вины в этом Комуча не было никакой. Из предыдущего мы видели, что только одна партия с.-р. пошла на активную борьбу с большевиками безо всяких оговорок, предоставив в распоряжение Комуча все свои наличные силы. Остальные крупные партии или совсем устранились от борьбы и участия в работе, как, например,

партия к.-д., или принимали участие наполовину, как с.-д., или, сочувствуя в принципе, старались уклониться от активной работы в учреждениях Комуча, как это делали представители промышленников и вообще буржуазных кругов. Из кого же, из каких кругов должен был выбирать Комуч своих сотрудников на ответственные места, включая до постов министров? Кого же было назначать, кроме с.-р., да частично с.-д.? Ведь, не назначать же было кадетов, кои не только не разделяли позиции Комуча, но всеми средствами старались дискредитировать его политику? Неужели можно винить правительство только за то, что оно не назначало на ответственные посты для проведения своей политики лиц, не сочувствовавших ему по существу? Мы и стремились занять все посты представителями тех партий, кои, разделяя основные наши политические положения, готовы были вести борьбу с большевиками во имя тех принципов, ради которых мы сами начали движение. Когда, например, с.-д. согласились принять участие в названном движении, то из их среды немедленно же были привлечены в учреждения Комуча целый ряд лиц, на самые ответственные посты, включительно до постов министров. Народные социалисты были также привлечены к работе и занимали у нас довольно крупные места. Социал-демократическая организация «Единство», в Самаре весьма слабо представленная, также была привлечена к участию в борьбе. Если и можно нас упрекать, то как раз в обратном, в том, что мы, взяв всю ответственность на себя за волжское движение и возглавив его в центре, не постарались о том, чтобы и на местах, вплоть до самых низших служащих, были люди, преданные нам и разделяющие наши позиции. К сожалению, весьма многие учреждения, многие должностные места, в практической жизни много значащие, как, например, места начальников полиции, комендантов городов, были заняты людьми, нам враждебными, так, например, начальником города Уфы был поручик, все время себя называвший беспартийным, в действительности же оказавшимся

весьма правых настроений, и после переворота Колчака самым ярким нашим угнетателем.

Падение Временного Правительства, разгон Всероссийского Учредительного Собрания, объяснялись широкими кругами слабостью, безволием и отсутствием твердости в проявлениях партий, ответственных за деяния этих органов. Успех большевицкой палки, успех большевицкого метода действий, вызвали в массах жажду во что бы то ни стало твердой власти. В твердой власти видели все без исключения спасение от всех бед, постигших несчастную Россию. В ней одной, и только в ней, видели ключ к избавлению от большевиков и от анархии. О твердой власти мечтали, вкладывая, конечно, различные понимания, все круги, как буржуазные, так и социалистические.

Комуч, в лице его первого состава, неоднократно уже упоминаемой мною, пятерки — также поставил себе задачу — создание «**твердой власти**». Об этом говорилось и на собрании офицеров, созванном на второй же день после падения Самары, и на собрании квартирных советов, и т. д. «Наша первая задача, — говорил, между прочим, на указанном собрании квартирных советов, Иван Михайлович Брушвит, — будет создание твердой власти, не отащивающейся ни перед чем в достижении своих целей. Уроки прошлого нас обязывают».

«Власть должна быть твердой, железной, — говорил член Учредительного Собрания Фортунатов на собрании офицеров, — действующей со всей доступной ей решимостью».

Как на первом, так и на втором собрании, это заявление о твердой власти было встречено громом аплодисментов.

О твердой власти говорил Комитет и в своем обращении к союзникам, хотя не в таких решительных выражениях, как на митингах: «Для достижения своих целей Комитет будет действовать со всей, доступной для него, энергией, — говорится в этом обращении, — решитель-

но, не останавливаясь ни перед какими мерами, вызываемыми требованиями текущего момента».

Стремление к созданию твердой власти чувствуется и в ряде приказов, изданных Комучем. Так, в приказе № 1, не раз уже нами цитировавшемся, между прочим, говорится: «Охрана порядка в городе и губернии возлагается на военный штаб, которому для сего вручаются чрезвычайные полномочия».

Особенное тяготение к твердой власти было в военных кругах. Твердая власть для большинства из них была каким то кумиром, которому они готовы были служить всеми своими помыслами, всей своей жизнью. Кроме твердой власти, «железной власти», как говорили они, военные люди ничего не хотели знать и видеть, и ради создания ее они готовы были выбросить из общественной жизни все завоевания революции, все гражданские и личные свободы, причем, как увидим ниже, твердость власти понималась ими весьма своеобразно, не так, как нами. На этой почве, о чем будет сказано ниже подробнее, возникало между Комучем и военными кругами много недоразумений и столкновений.

Твердая власть военными кругами понималась весьма упрощенно. Твердая власть, с их точки зрения, должна немедленно упразднить все свободы, запретить все собрания и митинги, не допускать никакой критики действий власти, большевиков расстреливать без суда и следствия, действовать огнем и мечем, расстреливать и вешать направо и налево. Если власть к этим методам не прибегала, тем более, если она допускала собрания и митинги, да еще свободное обсуждение своих действий, то это уже не твердая власть, а «керенщина».

Наше понимание твердой власти было другое. Твердость власти для нас, прежде всего, заключалась в том, чтобы, поставив себе какие-либо цели, идти к достижению их, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, применяя при проведении их все имеющиеся в ее распоряжении средства. Поставив, например, своей задачей немедленный переход всей земли в руки крестьянства, мы

шли к этой цели всеми доступными нам путями, не останавливаясь перед тем, что проведение этого закона вызовет недовольство в среде некоторых кругов русского населения и оттолкнет их от нас. Поставив своей задачей создание армии, мы в проведении этого постановления не останавливались и перед тем, чтобы уклоняющихся от этой мобилизации заставить силой оружия идти на выполнение нашего распоряжения. В случае необходимости, мы не останавливались и перед применением вооруженной силы, не боясь в этом отношении ни нареканий масс, ни посрамления чистоты своих социалистических перчаток. Объявив, например, в первые же дни восстановление свобод, мы отлично понимали, что проведение этого принципа во всей его широте в обстановке гражданской войны было бы просто наивностью или глупостью. Поэтому, мы не могли допустить свободы большевицкой печати, свободных собраний коммунистических организаций и т. д. В этом отношении упрек г-на Майского, автора книги «Демократическая контр-революция», совершенно справедлив.

В период гражданской войны мы не задавались целью установить абсолютную свободу и абсолютное равноправие. Такие устремления при тех условиях, при которых мы вели борьбу, были бы излишни и нелепы. Власть Комуча по своему происхождению — власть народная, власть, в полном смысле этого слова, демократическая, в тот период действовала методами, по условиям военного времени, кои в корне отрицают принципы демократии, т. е. прибегала и к лишению свободы слова, печати, к внесудебным арестам, к расстрелам и вооруженным экзекуциям и т. д., и т. д.

Итак, в заключение мы можем сказать, что Комитет действительно стремился создать твердую власть, понимая, однако, эту твердую власть по своему, по демократически, как особый метод управления страной, как особую систему практической политики, но не как метод своеволия и репрессии. Удалось ли ему создать эту твердую власть — об этом скажем особо.

4. ОТНОШЕНИЕ К ОРГАНАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Поставив своей задачей собирание сил, Комуч не мог, конечно, не уделить значительного внимания в первую очередь органам местного самоуправления. Наше отношение к органам местного самоуправления было ясно: мы считали, что в данное время власть сможет быть сильной только при том условии, если она опирается на все население и, в первую очередь, на органы местного самоуправления. Не имея на местах своего аппарата, Комитет, естественно, стремился значительную часть государственной работы переложить с своих агентов на органы самоуправления. Это делалось не только по соображениям практической необходимости, не только в силу того, что административный аппарат губернской власти был дезорганизован и разрушен, а потому, что принципиально мы считали органы местного самоуправления органами и государственной власти. Задачей власти было скорейшее восстановление всех отраслей хозяйственной, политической и местной жизни. Чем скорее власть это сделает, тем большие симпатии она завоеует у местного населения; чем скорее будет восстановлен порядок во взаимоотношениях, тем прочнее будет власть, содействовавшая этому восстановлению порядка в стране. Сознывая это, мы все усилия употребляли на то, чтобы как можно скорее восстановить органы местного самоуправления. Посему уже в приказе № 1 Комуч говорит: «Во всей полноте своих прав восстанавливаются распущенные советской властью органы местного самоуправления». В своем обращении к органам местного самоуправления, от 17-го августа, Комуч еще яснее определяет свое отношение к местному самоуправлению: «Восстановление самоуправления на территории освобожденной России и скорейшее восстановление их работы в полном объеме представляет одну из важнейших задач текущего момента». Комуч смотрел на органы местного самоуправления не только, как на органы хозяйственной жизни, но и как на органы, составля-

ющие основу демократической республики, как на органы, выявляющие волю самого народа и, следовательно, действующие его именем. П. Д. Климушкин, управляющий ведомством внутренних дел, в своей речи, произнесенной им при открытии собрания Самарской городской Думы, говорил: «В недалеком будущем на органы самоуправления будет возложена широкая государственная работа. Прошло время, когда эти органы были в загоне, когда они противопоставлялись центральной власти. Органы местного самоуправления должны быть и органами государственной власти. Нами уже сейчас передано в руки самоуправления много функций государственного характера».

О том, что Комитет придавал чрезвычайно большое значение органам самоуправления, свидетельствует и автор уже цитированной нами книги «Демократическая контр-революция» г-н Майский. «Чрезвычайно крупное значение, — говорит он на стр. 20, — Комитет придавал местному самоуправлению, которое он считал основой демократической республики».

Подходя к органам местного самоуправления, как к органам государственной власти, Комитет с первых же дней своего управления начинает принимать меры к тому, чтобы из этих органов сделать действительно органы государственной власти не по форме, а по существу, стремясь всеми силами восстановить в них нормальную работу и поддержать финансами. Во все время своей деятельности Комуч стремится вступить в самый теснейший контакт с ними и, как мы видели из первого приказа, вначале даже предполагалось ввести в состав Комуча и представителей от органов самоуправления. Не дожидаясь создания центральной власти и коренного изменения в системе политического управления страной, Комитет своей властью начинает часть своих функций передавать органам местного самоуправления. Так, в ведение органов самоуправления было передано дело социального обеспечения, продовольственное дело и земельное дело. Была совершенно исключена на время из ведения органов са-

моуправления одна лишь функция, чисто административная и охранительная. Делая это, Комитет исходил из того соображения, что в период гражданской войны, когда органы власти должны быть чрезвычайно подвижными и быстро действующими и быстро выполняющими предназначения свыше, органы местного самоуправления не смогли бы выполнить этих функций. Для таких функций, казалось нам, они слишком неподвижны и громоздки.

Поставив своей задачей скорое восстановление органов самоуправления, Комитет предпринимал в этом отношении и некоторые практические шаги. Комитет, нуждаясь сам в средствах, и подчас, отказывая своим учреждениям, оказывал большую материальную поддержку органам самоуправления, выдавая им ссуды на самых льготных условиях. Так, за 3-4 месяца после падения Самары, Комитет выдал ссуды только по двум губерниям, Самарской и Уфимской, и частично Симбирской, свыше 10-ти миллионов рублей. Для того времени и для той территории, которую занимал Комуч, это очень большая сумма.

Словом, с полным основанием можно охарактеризовать отношение Комуча к органам местного самоуправления, как отношение действительно демократической власти, рассматривающей органы самоуправления, как часть государственного аппарата, как основу республиканской системы.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ НАРОДНОЙ АРМИИ

Для чего создавалась Народная армия? Этот вопрос необходимо выяснить, ибо, к сожалению, до сих пор еще существуют некоторые разногласия, даже среди самих участников волжского движения. Некоторые из них до сих пор утверждают, что Народная армия создавалась исключительно для борьбы с внешним врагом, т. е. с Германией, а не для борьбы с внутренним врагом, т. е. с большевиками. Для борьбы, де, с большевиками организовывались особые отряды, так называемые, добровольческие части. Утверждают, будто бы, Комуч, объявляя призыв за

два года, так и заявлял об этом. Другие утверждают, что Народная армия создавалась для борьбы с большевиками и только, и ни о какой борьбе с немцами тогда не приходилось думать.

В действительности, дело обстояло так. В начале своей статьи, говоря о целях волжского движения, я уже сказал, что Комуч, начиная борьбу на Волге, поставил перед собой две основных задачи или, вернее сказать, — единую цель: борьбу с большевиками и восстановление единства России. Борясь с большевиками, мы неизбежно вступаем в конфликт с Германией, в то время большевиков весьма поддерживавшей, и, желая бороться с Германией, мы в первую очередь должны, конечно, устранить свое внутреннее зло, препятствовавшее этому движению, т. е. большевиков. Таким образом, эти две задачи являлись нераздельными. Народная армия и создавалась в первую очередь для борьбы с большевиками, а затем для борьбы с Германией. Об этом Комуч, в приказе № 64 от 30-го июня, говорит определенно:

«Именем народа и именем Учредительного Собрания, для борьбы с предателями России, свободы и революции, в полном сознании тяжкой перед народом ответственности, объявляем, диктуемый государственной необходимостью, призыв в ряды Народной армии».

Как видим из этого приказа, ни слова не говорится в нем о том, что призыв объявляется для борьбы с Германией, но ясно и определенно говорится, что «для борьбы с предателями России и революции». В постановлении о георгиевских ленточках вместо кокард, Комуч заявляет: «Воины-добровольцы, принявшие на себя обязательство защищать свободу и родину от насилия, являются выразителями идеи беззаветного мужества». Таким образом, говорится опять-таки о защите свободы и родины от насилия. Словом, нет никаких оснований заявлять, что Народная армия организовывалась исключительно для борьбы с Германией, но все основания есть к тому, чтобы утверждать, что Народная армия организовывалась для борьбы, в первую очередь, с большевиками. Но, по-

мимо этих официальных документов, можно сослаться и на настроения большинства Комуча, стремившегося организовать Народную армию в первую очередь для борьбы со своим внутренним врагом.

Во время организации Народной армии мы все без исключения, члены пятерки, находились под большим впечатлением от чешской армии. Чешская армия с ее демократическим укладом управления, с ее братскими взаимоотношениями между солдатами и офицерами, являлась для нас тем идеалом, к которому мы стремились при создании нашей армии. Мы не знали всех деталей организации чешской армии, но видели ее стройность, ее демократичность, и в то же время, ее дисциплинированность, ее подвижность, и восторгались ею. **Под этим впечатлением** очарования и восторга перед чешской армией мы и приступили к созданию русской Народной армии. Мы полагали, что в основу создания Народной армии должны быть положены совсем иные принципы, нежели при создании до-революционной армии. Переживаемый нами период гражданской смуты, взаимного недоверия, повелительно диктовал нам применение других методов и управления и построения армии. «В период строительства Народной армии, — писал в «Вестнике Комуча» полковник Н., — особенно необходимо, чтобы все, кто призывается в ряды в качестве руководителей, были проникнуты единодушным, непоколебимым стремлением вступить в армию, крепко спаянную в одно прочное целое правильным пониманием назначения армии и тех великих задач, которые возложены на нее. Необходимо, чтобы каждый, вливающийся в ряды армии не только добровольцем, но и по призыву правительства, не только знал, но и **веровал в лозунги**, долженствующие стать светочем всех наших помыслов, всех наших стремлений».

Построить армию по принципу старой царской армии нам казалось невозможным и нецелесообразным. Армия гражданской войны, ставящая своей задачей совсем иные цели, чем общегосударственные, должна быть построена, по нашему мнению, по принципу некоторого от-

бора. Прежде всего, из нее должны быть исключены все те элементы, кои являются определенными противниками поставленных нами целей. Помимо того, каждый солдат, или, по крайней мере, большинство солдат должны отчетливо знать, для каких задач и целей они призываются, за что они борются, и для этого с солдатами должна быть проделана подготовительная работа по их политическому воспитанию. Больше того, солдат, призванный в армию, должен чувствовать себя частью того народа, за интересы которого он борется, и еще больше — он должен сознавать, что ведя борьбу с внутренним врагом, он борется за свои интересы и за интересы своих близких. Если у него этого сознания нет, то не поможет никакая дисциплина, никакая палка. При первом же случае таковой солдат убежит из полка и, может быть, сделается даже вашим врагом.

Исходя из этих положений, Комуч стремился построить армию так, чтобы в ней солдат не чувствовал себя ничего незначущей пешкой, коей распоряжаются другие, вопреки его желаниям, чтобы он чувствовал себя гражданином всего народа, ведущего общими усилиями единую борьбу с единым врагом. Отсюда и требования Комуча к офицерству были совсем иные, чем в царской армии в до-революционное время. Нам казалось, что офицеры должны были в отношении солдат быть их старшими братьями, их руководителями и воспитателями, в политической жизни равными им. Солдат только до тех пор является солдатом, пока он в казармах. Вне казармы — он гражданин.

Но, с другой стороны, необходимо создать армию дисциплинированную, хорошо обученную и, вместе с тем, знающую, куда она идет и к чему стремится.

В основание организации Народной армии были положены следующие принципы:

§ 3. Основной принцип строения армии:

Армия должна служить всему народу, нации, и потому совершенно беспартийна. (Беспартийность армии заключается в том, что армия служит не отдельным парти-

ям, а всему народу). Вхождение военнослужащих в политические партии совершенно недопустимо.

§ 4. Народная армия как бы олицетворяет весь народ, а потому ее организация должна содействовать общему культурному уровню народа, степени его гражданской зрелости и национального самосознания.

§ 6. Необходимость дисциплинированной армии побудила ввести дисциплинарные взыскания. . .

§ 7. Военно-служащие Народной Армии разделяются лишь на начальников и подчиненных. . . Вне службы — они равноправные граждане. . .

§ 8. Распорядок внутренней жизни Народной Армии направлен к тому, чтобы сблизить между собою офицеров и солдат. Для достижения этой цели офицеры должны жить в казармах.

§ 11. Вооруженная защита нации может быть создана, если будет влит в народную толщу и солдатские массы энтузиазм и национальное воодушевление. . . К достижению этого должны быть направлены все наши усилия».

К сожалению, создать армию по типу, представляемому нами, нам не удалось. В этом надо признаться без всяких оговорок. На самом деле, как теперь мне кажется, мы поставили себе невозможную задачу. Хотели влить в старые меха новое вино. Призвав к организации армии старый, до-революционный офицерский аппарат, мы возложили на него задачу, которая по самому существу своему в корне противоречила всем тем навыкам, всем тем пониманиям, какими они жили и руководствовались десятки лет. Офицерство, воспитанное в школе до-революционной, царской, мы призвали к созданию новой, народной, демократической армии. В своей массе офицерство, конечно, осталось чуждым нашим заданиям и нашим принципам построения Народной армии. Армия начала организовываться по старому принципу, на тех же основах, как и царская, до-революционная. Так же была введена дисциплина, титулование. Порядки, введенные в Нар. армии, в общем, ничем не отличались от порядков, суще-

ствовавших в царской армии. Исключением являлись лишь некоторые добровольческие части, где взаимоотношения между офицерством и солдатами были совсем иные. Офицерство, видевшее в нашей затее большевизм наизнанку, всеми силами саботировало создание армии по нашему типу. Галкин, управляющий военным ведомством, проявляя внешне в отношении Комуча лояльность и обещая употребить все усилия на создание народной демократической армии, в действительности, как выяснилось потом, не сделал в этом отношении ровно ничего, чтобы демократизировать офицерский состав, призванный к организации Народной армии. Наша ошибка заключалась в том, что мы в деле создания Народной армии положились исключительно на военные круги, предоставив им в этом полную свободу действий. Если и можно упрекать в чем-то Комитет, то именно в том, что он слишком мало, не только мало, а совсем не вмешивался в дела военные. К такому заключению приходил и не раз уже цитируемый нами большевицкий автор о волжском движении, г-н Майский. На стр. 153-ей он пишет: «Организация офицеров была «беспартийной», на самом деле она была переполнена черносотенцами и монархистами... Эта организация сыграла роль кадра при формировании «Народной Армии»... Все командные места в частях Народной армии он (Галкин) заполнял офицерами старого закала, отливавшимися всеми цветами монархической окраски. Наиболее ответственные места были даны махровым черносотенцам, не перестававшим мечтать о возвращении царских времен»...

На стр. 163: «Они отдали без боя эту огромную силу в руки монархистов и тем самым подготовили свою собственную гибель»...

Таким образом, все дело организации Народной армии было сосредоточено в руках до-революционного офицерства, по своей психологии и навыкам чуждому демократизму вообще и, в особенности, в делах военных. Точка зрения военных специалистов на организацию армии была проста: дисциплина, дисциплина и дисциплина! Сол-

дат должен, как машина, безоговорочно, без рассуждений выполнять приказания своего начальства, а чтобы заставить выполнять приказания начальства, необходимы репрессии, репрессии и репрессии. Этим исчерпывалась вся мудрость наших специалистов в военном деле. Ни крах войны с Германией, ни уроки гражданской войны, ничто не изменило их подхода к созданию армии в данной гражданской войне. Сколько мы ни пытались доказать им, что солдат гражданской войны это нечто иное, нежели солдат войны с внешним врагом, убедить их в этом нам так и не удалось.

Словом, в этом вопросе наши стремления находились в коренном противоречии с стремлениями тех, кто был призван к фактическому созданию Народной армии.

6. СОСТАВ НАРОДНОЙ АРМИИ

Народная армия, организованная на Волге, по праву и в полном смысле этого слова, может называться «народной», в отличие от Южной и Сибирской, состоявших по преимуществу из офицерства и учащейся молодежи. Это название дано ей не случайно, не из моды и не из пристрастия к некоторым демократическим названиям, а вполне обдуманно, после довольно продолжительного и всестороннего обсуждения. Этим названием мы хотели подчеркнуть не только демократический ее состав и происхождение, но и ее назначение — служение народу, не одному какому либо классу или группе, как бы ни была мощна и значима эта группа или класс, а всему народу, в целом и в русском понимании этого слова, т. е. низам, — **трудовому народу.**

Народная армия начала создаваться снизу, если так позволительно выразиться, стихийно, на поле битвы — в селах, в деревнях, уездных городках. И главными организаторами ее были сами большевики. Для иллюстрации моей мысли возьмем первый период волжского движения и проследим его в этой плоскости.

Еще задолго до выступления чехов, на Волге, в том

районе, о котором я пишу, то там, то здесь происходили крестьянские выступления, достигавшие иногда довольно значительного размаха. Эти выступления, однако, не имея ни поддержки, ни единого командования, ни руководителей, быстро большевиками ликвидировались. С выступлением чехословаков эта волна революционного движения снова оживает. Например, сызранцы, по преимуществу рабочие и железнодорожные служащие, узнав о продвижении чехословаков, вооружились, свергли большевицкую власть и организовали демократическую. В критические моменты для города, они вооружались и защищали город наравне с частями армии. То же повторилось и в Иванщикове и в ряде других пунктов. Когда эти пункты оставались Народной армией, то такие добровольцы присоединялись к армии и, следуя с нею, составляли уже ее часть. Такие добровольческие отряды особенно сильны и многочисленны были в районе по линии Самара — Балаков — Хвалынский — Вольск. Одно время отряд, оперировавший на этом фронте под командой полковника Махина, насчитывал свыше 3.000 человек, состоя по преимуществу из крестьянской добровольческой молодежи. Из этих добровольческих частей и создались потом, по оставлении Самары, батальон Учредительного Собрания, насчитывавший одно время до 1.500 человек, конный отряд Фортунатова и чешско-русские батальоны.

Довольно большое количество таких добровольческих крестьянских отрядов, по нашим подсчетам, не менее 3.000 человек, оперировало в Новоузенском уезде Самарской губернии, — в области, очень удаленной от центра, т. е. Самары, но эти отряды, благодаря дальности расстояния и плохому сообщению, так и не удалось присоединить к Народной армии и вообще связаться с ними.

Весьма интересное явление происходило на Ижевских и Воткинских заводах Екатеринбургской губернии.

Ижевские и Воткинские заводы — большие промышленные центры. Рабочие этих заводов представляют весьма любопытный тип полурбочего, полукрестьянина. Ра-

ботая на заводе, они в то же время продолжают вести еще свое крестьянское хозяйство в деревне: или же один член семейства работает на заводе, а остальные работают на земле. Естественно, и в том, и в другом случае, такая семья чувствует свою непосредственную связь с землей и дорожит этой связью.

Когда началось движение на Волге, то и в Ижевских заводах настроение стало подниматься и, в конце концов, вылилось в форменное восстание, возглавленное «Комитетом членов Учредительного Собрания Прикамского района». Большевики, конечно, не могли оставить без ответа выступление ижевцев, началась борьба, продолжавшаяся почти пять месяцев, пока не подошли к ним чешские и сибирские части. В «мирное время», т. е. когда большевики были далеко от заводов и не беспокоили населения — воткинцы и ижевцы работали на заводах, выполняя всю ту работу, которую они выполняли и в обычное время, но, как только большевики приближались к заводам и начинали угрожать их спокойствию, так рабочие, по первому же тревожному гудку завода, бросали свою работу и шли «в армию», достигавшую иногда до 60.000 человек: в Ижевских заводах до 40.000 человек и в Воткинских до 20.000 человек. Во главе армии стояли главнокомандующий со штабом, во главе полков — командиры полков и т. д., словом, как полагается в каждой хорошей армии. Это была, поистине, народная армия, вышедшая из самых недр народных и созданная самим населением.

Когда затем была арестована Директория, то ижевцы борьбу прекратили, и часть из них разошлась по деревням, часть ушла к большевикам, часть, около 15.000 человек, ушла в тыл, в Сибирь, и впоследствии составила основу так называемой каппелевской армии, совершившей знаменитый ледовый поход через Сибирь.

Так начала создаваться Народная армия Комуча. Но такая армия, несмотря на многие ее достоинства, не могла удовлетворять Комуча. Несмотря на свою многочисленность, беззаветную храбрость и преданность делу, на

стойкость и упорство в борьбе, все же строить свою борьбу на таких добровольческих отрядах было невозможно. Для нас слишком очевидны были недостатки этих отрядов: недисциплинированность и неустойчивость и, в связи с этим, невозможность подчинить их выполнению определенных военных заданий. Попробуйте, например, один из таких отрядов перебросить в другой район, и вы увидите, что из этого получится: отряд или откажется выполнить ваше распоряжение, или же разбежится, чему примеров было не мало.

Словом, для нас, членов Учредительного Собрания и руководителей военного ведомства было ясно с самого начала, что без мобилизации или призыва, правильной, дисциплинированной армии не создать. Вопрос заключался не в том, нужно ли производить мобилизацию или не нужно, а в том, когда и как удобнее это сделать. Мы сочли необходимым сделать это немедленно же, в первый день своего управления. «В срочном порядке, — говорится в приказе Комуча № 2, от 8-го-го июня, т. е. в первый же день по свержении большевиков, — приступить к формированию дисциплинированной и сильной армии». 30-го июня, приказом № 64 объявляется и самый призыв родившихся в 1897-м и 1898-м годах.

Необходимо отметить, что объявлен был призыв, а не мобилизация уже служивших в армии. С первого момента это действие кажется непонятным; на самом деле, почему это призывались новички, еще совсем не бывшие в армии, не умеющие и ружья взять в руки, а не молодые солдаты, уже побывавшие в армии, коих не надо было ни обучать владеть ружьем, ни муштровать, а можно было бы сейчас же бросить на фронт.

Основания к тому у нас были такие. Кого мобилизовать? Старые годы не пойдут, запротестуют и скажут, почему не мобилизуем более молодые годы, а мобилизовать молодые годы — не надежно, это тот самый элемент, который больше всего дебоширил и большевизанил в армии; мобилизуйте, и на следующий же день будете иметь «второй октябрь».

Оставалось одно — произвести очередной, традиционный призыв новобранцев, еще не захваченных большевизмом. При этой комбинации возникала одна угроза, а именно: пока мы мобилизуем новобранцев и обучаем их, на что потребуется не менее 2-3 месяцев, большевики могли оправиться, собрать свои силы и уничтожить нас.

Эту возможность мы предвидели, но мы знали на верное, что этого в течение 2-3 месяцев не может случиться. Разбитые и физически и морально, большевики в течение этого времени не смогут оправиться настолько, чтобы угрожать нам серьезно, для отпора же их очередных и обычных набегов у нас имеются добровольческие отряды, представлявшие в то время довольно серьезную силу. Кроме того, мы учитывали еще и то, что чехи, при всем их искреннем желании поскорее пробраться на восток, все же в течение 2-3 месяцев не смогут уйти с Волги, а пока они на Волге, их действия неизбежно должны сливаться с действиями Народной армии. Все это и давало нам основание создавать Народную армию не на основах мобилизации, а на основах призыва новобранцев. И наши расчеты, необходимо сейчас же отметить, оказались, как увидим дальше, правильными как в отношении большевиков, так и в отношении чехов.

Набор новобранцев, начатый в первую очередь в Самарской губернии, наиболее освобожденной от большевиков, прошел, пожалуй, неудовлетворительно. Я не могу дать точных цифровых данных, определяющих успех или неуспех этого начинания, но могу привести, с ручательством за точность каждой фразы, доклад начальника Воинского Присутствия, старого и опытного в этом деле человека, служившего по этому же отделу лет двадцать при царском правительстве. Его доклад сводился, примерно, к следующему:

Набор прошел не везде одинаково, но, в общем, удовлетворительно, по его мнению, для данного момента; явилось на призывные участки 65-70% призываемых, т. е. лишь на 20-15% меньше мирного времени. Даже в цар-

ские времена, говорил он, никогда не являлись все 100%, а нормально — 85-90%.

Крестьянство отнеслось к призыву, в большинстве своем, сдержанно, не проявляя ни большого энтузиазма, ни враждебности: на призывные участки шли, скорее, по инерции и по привычке выполнять распоряжения начальства, нежели по идейным побуждениям. Высота процента явившихся стояла в прямой зависимости от расстояния данного пункта от центра и от фронта. т. е. Самары, и чем он ближе к фронту, тем меньшее количество являлось на призывной фронт, и обратно.

Этот его доклад, представленный мне тотчас же по окончании всех призывных операций, т. е. еще в 1918-м году, совпадает и с моими теперешними выводами, сделанными мною, как на основании моих личных наблюдений, так и на основании изучения имевшегося в моем распоряжении материала (за исключением оценки его «удовлетворительно», в то время, как, по моему, неудовлетворительно).

В своей докладной записке Управляющему Ведомством Внутренних Дел, т. е. пишущему эти строки, чиновник для особых поручений г. Петровский, объехав, по моему поручению, все уезды территории Комуца, пишет по сему вопросу:

«Самарский уезд. — Мобилизация проходила не совсем благополучно. Из 47 волостей 5 волостей упорно отказывались высылать призванных. Для психологического воздействия создавалась необходимость посылки отряда.

Теперь есть основание полагать, что призыв по Самарскому уезду окончится хорошо (из 11.000 призванных по 20-ое августа явилось 8.911 человек, из них принято 7.824 человека, оказалось негодными 1.087 человек).»

«Николаевский уезд. — Отношение населения к призыву враждебное».

Нужно отметить, что в самом центре Николаевского уезда все время шли бои, фронт тянулся почти через весь уезд, и г. Николаевск все время находился в руках большевиков.

«Бугурусланский уезд. — Общее политическое положение в уезде продолжает оставаться неопределенным, если нет, с одной стороны, особенно активных выступлений против власти Учредительного Собрания, то одновременно с этим нет и активных защитников этой власти.

После объявления мобилизации целый ряд сел и деревень вынес определенные постановления: в армию солдат не давать, мотивируя это нежеланием принимать участие в братской войне... Из 12.310 человек, подлежащих призыву к Военному Начальнику по 6-ое августа явилось только 6.335 человек».

«Стравропольский уезд, — Мобилизация в уезде прошла нормально, за исключением немногих случаев пассивного характера».

«Бугульминский уезд. — Мобилизация родившихся в 1897-м и 1898-м г.г. протекает нормально».

«Бузулукский уезд. — И для создания Народной Армии и обязательный призыв вызвали у населения явно враждебное настроение.

До 2-го августа из общего числа призванных в 14.441 человек, явилось 1.564 человека. Волости Вознесенская и Лобазинская не только не давали своих призванных, но и убеждали возвратиться домой приходивших новобранцев других волостей».

«Уфимская губерния. — Подавляющее большинство населения, в лице русских, башкир и татар и др. инородцев, измученное насилиями большевиков, радостно встретило известие о падении большевицкой власти. Войска Народной Армии встречаются ими радушно и предупредительно»...

Но через одну страницу пишет:

«Мобилизация прошла различно. Интеллигентный класс откликнулся охотно, крестьяне наоборот»...

«Симбирская губерния. — Сызраньский уезд. Мобилизация прошла пестро. В одних местах явилось 100%, в других 10%, в среднем 54,0%. Должно было явиться 4.514 человек, явилось 2.472 человека. Волости, непосредственно прилегающие к Сызрани, не менее 89%, на запад

(т. е. ближе к фронту. П. К.) процент стремительно падает»...

Вот свидетельство еще одного лица, также близко стоявшего к крестьянским массам и знавшего его настроение великолепно, — члена совета крестьянских депутатов, с.-р. Полякова. В своем докладе «Деревня, как она есть», сделанного им после его поездки по Самарскому уезду, он говорит (записано стенографически):

«В Старо-Буяновской волости относятся к Комучу с большим доверием, но активной поддержки ожидать пока не приходится.

В Елховской волости относится большинство населения к власти безразлично, но сельский сход решил не давать призванных солдат.

В остальных волостях население относится к настоящему сочувственно, но в большинстве случаев вы увидите там обывателя в полной неосведомленности о том, что происходит; там царит невежество, темнота, трусливость, жажда порядка, тишины и спокойствия, и кто бы у власти ни был — для них безразлично»...

Чрезвычайно показательным является и настроение крестьянских депутатов на губернском съезде, созванном в Самаре в начале сентября 1918-го года. Когда речь зашла о мобилизации и гражданской войне, то с мест, да и с трибун, раздались определенные и отчетливые выкрики, вроде: долой мобилизацию, долой гражданскую войну, довольно братской крови...

Устроители съезда прибежали ко мне встревоженные, с упавшим настроением, умоляя меня поскорее явиться на съезд и «спасти положение», как они уверяли. Мое выступление встречено было очень сдержанно и даже настороженно. Было ясно, что деревня приехала с какими-то новыми настроениями, с новыми решениями по волнующим нас вопросам. Моя речь произвела, повидимому, некоторое впечатление, и в результате нам удалось добиться принятия благоприятной для нас резолюции, выражающей и доверие Комучу, и одобрение призыва, и т.д. и т.д., но было ясно, что эта резолюция принята, скорее,

по инерции, чем по воодушевлению, больше по привычке слушаться своих вождей, чем по сознанию необходимости принимаемого.

Итак, я прихожу к следующим выводам относительно устроенного Комитетом призыва новобранцев.

1) Призыв, конечно, не удался и прошел не с тем успехом, на какой мы рассчитывали, судя по энтузиазму, каким было встречено падение большевиков. Призыв новобранцев в большинстве сел был встречен отрицательно, а в некоторых местах, как это мы видели из доклада Петровского, даже враждебно. Из семи уездов Самарской губернии пять встретили призыв, как мы видели из того же доклада, сухо, неприязненно. Это уже прямой неуспех.

2) Если все же и явилось на призывные пункты до 65% всех подлежащих призыву, то, как я уже сказал выше, не из энтузиазма, не из сознания необходимости борьбы с большевиками, а по инерции, подчиняясь распоряжению начальства, т. е. из боязни репрессий.

3) Это настроение деревни — нежелание участвовать в гражданской войне — новобранцы принесли и в полки, на что я обращаю особенно внимание читателя, и с ним жили все время своего пребывания там.

Падение большевицкой власти, как уже было сказано, было встречено крестьянством с большим энтузиазмом и радостью: и первые добровольческие отряды составились из крестьянской молодежи; все Поволжье было полно восставшими крестьянскими отрядами и т. д., и т. д. Но... протекло три месяца, и мобилизация в армию этим же самым крестьянством, встретившим отряды Народной армии с хлебом-солью, была встречена холодно и даже, в некоторых местах, враждебно. То самое крестьянство, которое первое подняло знамя восстания против большевиков, вдруг первое же заговорило и о прекращении братской войны, о мире... В чем тут дело? Что же за эти два-три месяца случилось?

На эти вопросы я отвечу дальше, в особой главе, когда буду говорить о причинах краха волжского дви-

жения, а сейчас, не вдаваясь в анализ причин крестьянского настроения, отмечаю — и первое мое утверждение об энтузиазме крестьян при известии о падении большевицкой власти, и второе — о неудаче мобилизации тоже верно. В причинах этой эволюции разберемся впоследствии...

Наряду с призывом новобранцев, все время продолжался прием добровольцев, затем была объявлена мобилизация офицерства и унтер-офицерства.

Таким образом, Народная армия состояла из таких составных своих частей:

1) Из добровольческих отрядов, которые в свою очередь, делились на два типа: крестьянско-рабочие и офицерско-студенческие. Первый тип — крестьянско-рабочих — отрядов составлялся, по преимуществу, в деревнях и в мелких городках; второй тип — офицерско-студенческий — в губернских и уездных городах. Всего в этих отрядах насчитывалось одно время, по взятии Казани, до 10.000 человек;

2) из казачьих частей Оренбургской и Уральской областей;

3) из мобилизованных частей из новобранцев 1897 и 1898 годов.

Всего в Народной армии, включая и мобилизованные и добровольческие части, включая, кажется, и казачьи части, но этого утверждать не могу, согласно докладов военного штаба, на 1-ое сентября 1918-го года значилось 121.000 человек. (Сюда, конечно, не входили армии Ижевских и Воткинских заводов, находящиеся долгое время вне нашего влияния). — Армия, даже для России, не малая, с коей можно было взять не только Казань, но и Москву.

7. СОСТОЯНИЕ НАРОДНОЙ АРМИИ

Этот вопрос — один из самых кардинальных и спорных в истории волжского движения и требует особого

исследования и особой разработки. К сожалению, я не располагаю ни временем, ни соответствующими материалами, чтобы заняться таковой разработкой. Я беру на себя задачу более скромную, — восстановить для истории те сообщения и доклады, кои делались Комучу руководителями Военного Ведомства по этому вопросу, и на основании этих докладов осветить хотя бы до некоторой степени состояние Народной армии.

Выше мы уже сказали, что, согласно доклада Военного Ведомства, в Народной армии на 1-ое сентября 1918 года числилось 121.000 человек. Армия не малая, если бы удалось привести ее в боевое состояние. Однако, из этого количества вооруженных было до взятия Казани около 8.000 человек, после взятия Казани до 15.000 человек.

Обучение новобранцев производилось с палками. Это обстоятельство вызывало среди них явное недовольство. «Зачем же нас созвали, — говорили они, — если нет винтовок. Что мы будем делать, если на нас нападут большевики; не палками же отбиваться от них?»

Помимо этого, в некоторых уездных городах не оказалось ни обмундирования, ни инструкторского состава для обучения новобранцев. Стянув призывных в уездные пункты, Воинские Начальники в некоторых уездах буквально не знали, что с ними делать — не было ни помещения (большевики все уничтожили), ни обмундирования, ни офицерского состава. Продержав новобранцев в городе иногда два-три дня, Военное Ведомство снова отпускало их по домам... Наш военный штаб оказался в этом отношении ниже всякой критики. С первого же дня между офицерством и солдатами началось взаимное непонимание и недовольство; солдаты, боясь всего старого, не доверяли офицерам, а офицеры — солдатам. С первых же дней размещения солдат по казармам, в Комуч стали поступать сведения, что в казармах «не все благополучно», солдаты, недовольные введением в армию старых «царских» порядков, титулования, молитв, начинают проявлять большое беспокойство. Мое предложение — назначить особую комиссию для обследования по-

ложения в армии, встретило почему-то такой отпор со стороны Галкина и вообще Военного Штаба, что Комуч счел за лучшее этого вопроса даже не ставить. Наши благие пожелания, наши задания — создание новой демократической армии, построенной на взаимном уважении и понимании солдата и офицера, так и остались благими пожеланиями.

В конечном итоге, как следствие всех вышеуказанных причин, в армии началось дезертирство, настолько сильное, что Комуч, по докладу Управляющего Военным Ведомством, вынужден был назначить за дезертирство, как меру наказания, смертную казнь.

Дезертирство усилилось, когда большевики подступили к Самаре. Новобранцы, набранные по волостям Самарской губернии, использовали это, и стали массами уходить в свои деревни под прикрытием красной армии. Особенно сильно повлиял на дезертирство отказ двух офицерских батальонов выйти на фронт и самовольный уход их из Самары в Сибирь.

Необходимо несколько подробнее остановиться на положении офицерства и его отношении к Комучу.

Положение офицерства, несомненно, было тяжелое. С одной стороны, новое начальство, в лице Комуча, требует от него создания какой-то новой, неизвестной и чуждой ему армии, типа и духа коей оно и не может себе представить, а с другой — его навыки, его прошлое, его окружение повелительно диктуют ему другое. В третьих, и солдат то появился какой то новый, беспокойный, самовольный, с новыми запросами и с новыми претензиями, также ему неизвестными. Как тут подступить к делу? Если бы это было в другое время, в более мирное, а не такое горячее, как пережитое время на Волге, то, может быть, офицерство и справилось бы с своей задачей и создало бы то, что требовалось от него велениями Комуча, а то время то было очень уж горячее, некогда было долго размышлять над затеями начальства, а надо де-
лать...

И стал офицер делать армию знакомыми и близкими ему методами. Материальное положение офицерства было чрезвычайно тяжелое, можно сказать, прямо ужасное. Офицер рядовой получал 5 рублей в сутки, ротный командир 10 рублей, командир полка 15 рублей. И все. (Понятно, столом пользовался каждый офицер даром). Естественно, на такие средства, когда прожиточный минимум определялся, примерно, в 500-600 рублей в месяц, нельзя было содержать не только семью, но и самому прожить. Но этого мало. Иногда и такое ничтожное жалование не выдавалось за неимением средств по 2-3 месяца. К чести офицерства, должен сказать, что на этой почве офицерство никогда никаких неудовольствий не проявляло и несло свое бремя терпеливо и гордо.

Ставки вознаграждения офицерству установил не Комуч, а Военный Штаб, т. е. сами офицеры; члены Комуча не раз ставили вопрос о повышении ставок, но всякий раз встречали самый решительный отпор именно со стороны самих военных кругов. Представители Военного Штаба всегда отказывались от повышения ставок, мотивируя тем, что в настоящее время происходит гражданская борьба, что они сражаются за идею, а не за ставки, что высокие ставки породят озлобление к офицерству со стороны солдат, довольствующихся обыкновенным военным пайком. Мы с этим считались и ставки не изменяли.

Особенно сильное, прямо коренное расхождение между Комучем и военными кругами обнаружилось в отношении тех и других к рабочим и к их собраниям.

Отношение Комуча к рабочим и к рабочим собраниям я уже определил выше — отношение благожелательное, содействующее их укреплению, а не ослаблению. Распустив совет рабочих депутатов старого, большевистского состава, мы разрешили рабочим созвать сейчас же рабочую конференцию для избрания совета в новом составе. Это разрешение вызвало целую бурю недовольства в среде наших военных кругов. Галкин прибегал бук-

важно каждый день в Комуч и требовал разгона конференции.

— Что вы допускаете эту пропаганду,— возмущался он: — это большевизм. Это «керенщина».

И когда мы, и, в частности, я, в качестве Министра Внутренних Дел, категорически отказали разогнать конференцию, то Галкин, в лице контр-разведки, на другой день арестовал всех оппозиционных ораторов, хотя они и не были большевиками. В ответ на протест конференции, военная контр-разведка арестовала еще двух ее членов. Нет надобности подчеркивать, какое возбуждение против военных кругов создалось на конференции после этих арестов.

Существовала в Самаре социал-демократическая организация так называемых интернационалистов, безобиднейшая организация. Работники ее нам всем наперечет были известны. Милейшие люди, и занимали они позицию в то время, для нас весьма благоприятную — в активной борьбе не участвовать, но в хозяйственных органах Комуча работать, — вот их позиция.

Этого нашим военным кругам было мало. Интернационалисты... Это что то страшное. Надо разгромить. И разгромили... Лидеров ее арестовали, а здание закрыли. Пришлось снова вмешиваться, и снова вести длинные переговоры о ликвидации этого ненужного, безалаберного налета.

Я не обвиняю офицерство и говорю все это не в упрек им. С своей точки зрения они, может быть, и последовательны были, подталкивая нас на режим террора и диктатуры.

Своими замечаниями я хочу лишь указать, что между Комучем и офицерством с самого же начала гражданского движения на Волге создалось взаимное непонимание, приведшее потом к полному расхождению. Стремление Комуча — опереться на широкие народные массы было чуждо им и непонятно; они все спасение видели в военной силе и, в частности, в командном его составе; для Комуча же как раз эти устремления, находящиеся в полном

противоречии с его демократической идеологией и психологией, — были совершенно неприемлемы. Отсюда взаимное недовольство и недоверие.

Недовольство офицерства политикой Комуча начало выявляться с первых же дней движения не только в мелочах, но и в некоторых реальных действиях, угрожающих самому существованию Комуча. Самыми существенными из таких реальных действий, помимо других, я считаю заговоры о свержении власти Комуча. Из таких попыток свергнуть власть Комуча нам было известно три.

Первый заговор был обнаружен в первые же дни власти Комуча.

Группа офицеров, по преимуществу из Штаба Военного Министерства, явилась к генералу Чечеку — начальнику 1-ой Чехословацкой дружины и командующему волжским фронтом и заявила ему, что власть Комуча их абсолютно не удовлетворяет; это — повторение керенщины. Нужна твердая и авторитетная власть: таковой может быть лишь военная единоличная диктатура. Поэтому они решили Комуч арестовать и передать всю власть военному командованию. Как отнесутся к этому чехословаки и, в частности, он, генерал Чечек?

На это генерал Чечек ответил:

— Меня удивляет ваше обращение. Не успели организовать как следует фронт против большевиков, а вы уже помышляете о создании фронта против Учредительного Собрания. Вы думаете, если арестуете членов Учредительного Собрания, за вами крестьяне и рабочие пойдут? Нет, а если нет, с кем же, с какими силами вы хотите вести борьбу с большевиками?

Это одно, а другое — мы будем сотрудничать только с властью демократической, с такою властью, которую будет поддерживать русский народ. Власть Комуча именно таковая власть в данное время.

И, наконец, третье. Я командующий волжским фронтом и войсками Народной армии. Следовательно, вы обращаетесь ко мне с предложением, чтобы я помог вам арестовать власть, меня назначившую командующим.

Идите, и больше ко мне с такими речами не являйтесь...

Группа заговорщиков, однако, первой неудачей не была удручена. Та же группа, в том же составе продолжало вести работу дальше. Избирается тайный военный штаб, посылается делегат к генералу Алексееву с предложением возглавить, после переворота, волжское движение; назначается даже день ареста Комуча, но... как это почти всегда бывает в подобных случаях, бдительное начальство не дремало и, в последний момент, заговорщики накрыты...

Чтобы не создавать шуму и не вызывать еще большего недоверия в среде солдат к офицерству, Комуч ограничился только тем, что всех обнаруженных участников заговора отправил на фронт, не предав их даже суду...

Третья попытка.

Однажды рано утром,— еще только начало светать,— когда люди крепче всего спят, комендант Комуча, обходя караульные посты у здания Комуча, заметил на углу офицера в дореволюционной форме, с погонами и кокардой, чего в Самаре не допускалось носить, что-то записывающего себя в записную книжечку. Комендант, подойдя к офицеру, спросил его, что он здесь делает.

— А вам какое дело? — грубо ответил офицер.

— Я комендант этого здания.

— Как вам не стыдно?!. — набросился вдруг офицер на коменданта. — Вы, как видно, офицер Его Величества, а охраняете эту красную тряпку, — указал он на красный флаг, развевающийся над зданием Комуча. — Подождите, завтра же этой красной тряпки здесь не будет!

Комендант, не говоря ни слова, возвратился в здание Комуча и, взяв нескольких солдат, вышел снова на улицу, чтобы задержать подозрительного офицера. Офицер, однако, уже скрылся. Началось преследование его, давшее вдруг совершенно неожиданные результаты. Оказалось... на запасных путях Самарского вокзала стоял целый день эшелон казаков из Анненковского отряда, и об

этом пребывании их никому не было известно. На вопрос, зачем они сюда прибыли, комендант эшелона дерзко ответил: «Разогнать учредилку»... Комуч приказал эшелон разоружить, но... вдруг у штаба не оказалось ни одной роты свободной, чтобы выполнить это приказание... Из дальнейшего расследования этого события было установлено, что отряд прибыл в Самару несомненно при содействии штаба, но кого именно из штаба — невозможно было установить; все было так запутанно, переплетено, что разобраться в этой путанице было почти невозможно, а главное — некогда.

Пришлось и здесь ограничиться лишь тем, что вернуть отряд обратно...

Это событие еще раз с несомненностью подтвердило нам, что в нашем военном штабе есть какая-то группа, которая все время ведет работу, направленную против власти Комуча к замене его власти властью военной.

Таким образом, и здесь, в среде офицерства, Комуч не встретил такого понимания, на которое рассчитывал, и такого безоговорочного сотрудничества, какое необходимо было для успешности борьбы с большевизмом; тот же отпор, то же стремление поскорее отделаться от этой чуждой ему власти, как и в среде промышленно-землевладельческих кругов и в среде кадетов.

8. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАН ДВИЖЕНИЯ И ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Приступая к организации волжского движения, мы не задавались вопросом о том, в каком направлении вести борьбу с советской властью. Нам казалось, что этот путь укажет нам сама жизнь, само движение; трудно предвидеть за месяц вперед, в каком направлении оно развернется, нужно лишь иметь чуткое ухо и зоркий глаз, чтобы определить правильную линию движения. Эту линию, думалось нам, мы определим в процессе борьбы, когда с ясностью обнаружатся хотя бы основные контуры фронта.

Однако, на второй же день после свержения большевиков нам стало ясно, что без строго определенного стратегического плана вести борьбу невозможно; необходимо сейчас же, не взирая на некоторые отдельные заманчивые перспективы, определить основной путь движения наших военных сил, не уклоняясь ни в ту, ни в другую сторону, хотя бы отклонение и обещало некоторый временный успех.

И еще одно. До начала военных действий нам казалось, что это военное дело, а нам — штатским людям, — делать здесь нечего; оказалось совсем наоборот — с первых же дней стало ясно, что это дело по преимуществу политика, а не военного специалиста; при первых же мыслях о военно-политическом плане продвижения встало столько чисто политических соображений, политических моментов за тот или другой план, при наличии которых люди военные были беспомощны без нашего участия разобраться. Этим и объясняется, что план волжского движения был разработан, обсужден и утвержден совместно Комучем, военным штабом и командующим волжским фронтом генералом Чечеком. Не помню точно числа, когда состоялось утверждение этого плана, но помню точно, что это было вскоре же после занятия нами Самары.

План дальнейшей борьбы держался в абсолютной тайне, знали о нем лишь члены Комуча, генерал Чечек, Галкин и 3-4 лица из штаба.

При построении нашего военного плана мы исходили из того предположения, что чехословаки останутся на Волге еще не менее 2-3 месяцев. Мы отлично были осведомлены об их искреннем и горячем стремлении поскорее выбраться из России на восток, а оттуда на западный фронт, но мы также отлично знали, что выполнить этого раньше, чем через два-три месяца они не смогут. Чехословацкие войска в тот момент были разорваны на две части, одна в Сибири, другая — в Самаре; обе части двигались в направлении одна к другой, чтобы соединиться; на это требовалось, при самых благоприятных для них об-

стоятельствах, минимум 5-6 недель и затем 2-3 недели требовалось на ликвидацию ими волжского фронта, если бы все же они решили его оставить.

Мы не сомневались, что чехословаки волжского фронта скоро не оставят, во-первых, потому, что не в интересах самих же легий и их движения было покидать так быстро волжский фронт, не организовав на Волге заслона из русских же сил, способного хотя бы на время задержать большевицкое движение. В количественном превосходстве большевицких сил ни они, ни мы не сомневались и знали, что не сегодня, так завтра большевики оправятся от первого удара, нанесенного им чехами, и бросят против них такие силы, кои, если и не раздавят чехов, то, во всяком случае, весьма и весьма сильно опустошат их ряды. Зачем же подвергать себя такой опасности?

Не сомневались мы в этом еще и потому, что чехословаки, любящие Россию какой-то романтической сыновьей любовью, видящие в большевиках зло и гибель для России, не могли оставить Волги, не оказав содействия движению, направленному к спасению, к освобождению так любимой и дорогой для них России.

Принимая это, как необходимую предпосылку, мы и должны были, согласно нашему плану, употребить все усилия и все напряжение наших сил, чтобы в течение ближайших трех месяцев, в течение коих чехи несомненно еще останутся на Волге, создать свою правильную армию, способную продолжать борьбу и без содействия чехословацких войск.

При разработке плана мы исходили еще и из того положения, что всю магистраль Сибирской железной дороги занимают чехи и ее охраняют; они же занимают и всю магистраль Самаро-Златоустовской железной дороги. Остаются, таким образом, открытыми такие направления: 1) Самара — Симбирск — Казань — Москва, то-есть линия, вверх по Волге; 2) Самара — Сызрань — Пенза — Москва, по линии железной дороги; 3) Самара — Хвалынский — Саратов — Астрахань, т. е. вниз по Волге, и 4) Самара — Николаевск — Уральск, степной путь.

Из этих четырех путей мы все одинаково, как члены Комуча, так и военные наши спецы, считали главными, основными — два фронта: Самара — Астрахань и Самара — Казань.

По какому из них идти? Куда направить свой удар, чтобы скорее достигнуть своей главной цели?

После продолжительного и всестороннего обсуждения в течение чуть ли не трех заседаний, был единогласно как членами Комуча, так командующим войсками и членами Военного Штаба Народной армии принят следующий план борьбы:

1. Основным направлением, куда должны быть брошены главные наши силы, считать направление Самара — Саратов; сюда должно быть устремлено все наше внимание и в этом направлении мы должны продвигаться вперед, считая все остальные фронты лишь подсобными.

2. В направлении вверх по Волге наши части занимают Ставрополь — Симбирск, и здесь, в окрестностях Симбирска, окопавшись, ведут оборонительную борьбу, стараясь удержаться лишь в Симбирске.

3. В направлении Николаевска ведется только оборонительная борьба, препятствующая отрядам подходить к линии железной дороги.

4. Линию железной дороги Самара — Бузулук — Оренбург очищают чехи и затем передают ее охране оренбургских казаков.

5. Линию железной дороги Самара — Уфа — Челябинск занимают чехословацкие войска, вне зависимости от нашего плана.

Основания, коими мы руководились при принятии приведенного плана, были следующие:

Район Самара — Саратов — крестьянский район, на всем этом пути нет ни одного крупного рабочего центра. Следовательно, район, где мы скорее всего и больше всего можем найти поддержку и силы. Особенно привлекала наше внимание Тамбовская губерния, граничившая с Саратовской, где крестьянское движение, так называемое Антоновское, продолжалось все время, обещая нам со-

лидную поддержку. Я уже сказал, что на солидную активную поддержку рабочих мы не рассчитывали и посему всю ставку делали на крестьянские районы. Помимо того, с захватом Саратова мы протягиваем одновременно руку Астраханскому казачеству, Уральскому и Алексееву. Захвативши Саратов, мы овладеваем линией железной дороги Саратов — Уральск и тем самым освобождаем все силы Уральского войска, в коих мы так все время нуждались. Одним этим ударом мы освобождали огромную территорию, с населением, несомненно, настроенным антибольшевицки, составляющую географически вполне законченное целое, отделенное от остальной России Волгой и Каспием с одной стороны, и Уралом — с другой. Это положение значительно облегчало борьбу с Москвой.

Помимо этого, соединение наших сил с силами генерала Алексеева, возможное только через этот путь, также заставляло нас предпочесть этот путь всякому другому.

Генерал Сахаров в своей книге «Белая Сибирь» упрекает нас в том, что мы, будто бы боясь соединения с генералом Алексеевым, из за боязни этого соединения предпочли идти на Казань, а не на Саратов — Царицын, куда приближались к тому времени войска генерала Алексева.

Этот упрек, как это мы видим из вышеизложенного, а также из Дневника Вл. Ив. Лебедева, — одного из участников и руководителей казанского похода, напечатанного в журнале «Воля России», — несправедлив. Не буду говорить здесь о нашем отношении к южному движению, оно было сложное и не всегда одинаковое, скажу об этом в другом месте, если время позволит это сделать, здесь же кратко устанавливаю:

Свой план движения мы составляли не применительно к тому, нужно ли объединиться с генералом Алексеевым, или избегать этого объединения; скорейшее соединение наших сил с силами Юга мы считали желательным и, как видим, этот мотив также играл значительную роль при выборе нами пути движения; но не к этому исключительно были направлены наши устремления; Юг для нас

в то время был загадкой; больше того, у нас было больше оснований предполагать, что это движение враждебно нашим демократическим заданиям, и все же, несмотря на это, руководствуясь поставленными себе задачами, мы не уклонялись от возможности соединения с Югом, а, наоборот, пошли навстречу этому объединению.

Возвращаемся к нашему плану.

Овладение Симбирском для нас было важно по двум соображениям, во-первых потому, что в Симбирске находились большие военные заводы и большие интендантские склады, и с взятием Симбирска мы овладевали огромными запасами обмундирования, пуль, ружей и т. д., т. е. всем тем, в чем мы тогда так нуждались.

Кроме того — и это самое главное — Симбирск узловый пункт, соединяющий железнодорожные пути от Уфы к центру России. Владея Симбирском, большевики могли свободно бросать свои войска из центра России прямо в Уфу на перерез чешским войскам и, таким образом, зайти нам в тыл, отрезать нас от Сибири и окружить в кольцо из своих войск. Этой ошибки наши военные люди, конечно, не могли допустить.

Николаевский фронт значительной роли в начале борьбы не играл и ему большого значения не придавали. С захватом Саратова и Уральской магистрали он ликвидировался сам собою.

Таким образом, основное направление наших войск, куда должны быть брошены главные силы Народной армии, являлось, согласно плану, саратовское направление, а не казанское.

Почему же вместо саратовского направления, войска Народной армии пошли казанским и вместо Саратова взяли Казань? Какие причины и какие обстоятельства заставили Комуч изменить своему первоначальному плану?

Через несколько дней после взятия Симбирска, кажется, дня через два-три, Галкин является на заседание Комуча и возбужденно, чрезвычайно взволнованным голосом, просит предоставить ему немедленно слово для «чрезвычайно важного сообщения». Вместо сообщения,

Галкин вынимает телеграфную ленту своего разговора по прямому проводу с Фортунатовым и Лебедевым, находящимися в то время в Симбирске при Народной армии, и прочитывает ее. Оба указанные лица в телеграфном разговоре заявляют, что в армии беспокойно (на этом месте у Лебедева как раз разговор «обрывается»), настроение весьма повышенное, отряды «рвутся в бой» на Казань и, если, де, они попытаются удержать их, то все равно войска не послушают их и двинутся дальше.

Мы предвидели, что воодушевившись рядом побед, наэлектризованные паническим бегством противника, отряды Народной армии не захотят остановиться на месте, да, пожалуй, и не смогут, если бы некоторые из них этого и захотели. В движении, в особенности в таком стремительном движении, как в первые дни на Волге, было что-то механическое, стихийное, могущее оказаться роковым для нас. Но... ожидая этой стихийности от солдат, мы уж ни в коем случае не ожидали ее от руководителей движения, в особенности от Фортунатова, человека холодного, стойкого, обладающего огромным самообладанием.

Передав весь разговор, Галкин спрашивал, как ему быть.

Взятие Казани не входило в задания Народной армии. Больше того, продвижение к Казани, далеко отстоящей от центра, т. е. от Самары (1.008 верст), считалось крайне опасным. Помимо того, что это продвижение увеличивало наш фронт и тем разрезало силы Народной армии, к тому времени еще весьма слабые, оно еще отвлекало Народную армию от главной цели ее движения — от Саратова. Продвигаться же в обоих этих направлениях одновременно не представлялось никакой физической возможности, ибо солдат не хватало на один фронт, не только что на два. Это и Фортунатову и Лебедеву, как членам Военного Штаба, хорошо было известно. Кроме того, Казань — большой рабочий центр. Мы еще раньше знали, что казанские рабочие в большинстве своем настроены большевицки. Словом, на Казань мы смотрели, как на

гнездо большевиков, удержать какое нам будет чрезвычайно трудно. Подсилить в военном отношении Казань не могла, ибо население ее уездов, по преимуществу татарское, относится, по нашим сведениям, совершенно индифферентно к власти и участвовать в гражданской войне не будет. Для чего же брать такой сомнительный и даже опасный пункт?

На основании этих соображений Комуч еще раз, в полном своем составе, совместно с генералом Чечеком и Управляющим Военным Министерством Галкиным, постановил плана не изменять и войскам приказать оставаться в Симбирске, вызвав оттуда и Фортунатова и Лебедева.

Начались переговоры. Галкин вел разговор с Лебедевым и Фортунатовым, а генерал Чечек с полковником Степановым, командующим симбирской группой и юридически ответственным за все ее действия. Мне трудно восстановить все эти разговоры, длившиеся целый день и ночь, до 3-х часов утра, но я отлично помню заключительный аккорд этих переговоров, а именно: не добившись благоприятного ответа от Симбирска, Галкин в конце разговора говорит: «Приказываю вам от имени Комитета Членов Учредительного Собрания, Военного Штаба и командующего войсками, немедленно возвратиться в город и движение на Казань отставить».

«Слушаюсь» — ответил Симбирск.

Успокоенные этим «слушаюсь», мы мирно разошлись по своим домам, в полной уверенности, что движение на Казань ликвидировано. Прошел день, прошел другой, а мы ничего и не знали. И вдруг телеграмма: «Мы под Казанью»...

Легко себе представить, каково было наше изумление, возмущение и тревога по получении этой телеграммы.

Что было делать?

После продолжительного обсуждения, опять с участием командующего войсками и управляющего военным министерством, было признано, что иного ничего нельзя сделать, как только примириться с совершившимся, ис-

правив то, что еще можно исправить. Отзывать войска, находящиеся у самой цели их продвижения, и, быть может, в бою — невозможно. Это значило бы развалить всю армию и сорвать движение. Преступление, совершенное двумя самоуверенными смельчаками, пришлось покрыть авторитетом всего Комуча, превратив его в их триумф, умолчавши, конечно, об их своеволии.

Так был опрокинут весь план движения, с такой осторожностью, вдумчивостью и серьезностью разработанный Комучем. С взятием Казани дальнейший план кампании, естественно, предreshался сам собой; все наши силы с этого дня были направлены на то, чтобы удержать Казань, ставшей с этого момента центром всех военных операций; все части, кои предполагалось бросить на саратовский фронт, пришлось задержать и бросить под Казань; удержим Казань — значит, есть еще некоторые надежды на продолжение борьбы; не удержим — все пропало, отступление начнется с такою же быстротой, с какою происходило и наступление.

Но почему же, спросят меня, взявши Казань, вы не оставили ее тотчас же, раз считали захват ее ошибкой, ведущей вас к отвлечению от основного военного плана? Почему вы считали необходимым не только удержать ее, но и еще, преступление, совершенное двумя-тремя лицами, покрыть своим авторитетом и оправдать его? Не лучше ли было немедленно же войска отозвать из Казани, а инициаторов, нарушивших волю власти, отдать под суд?

Все эти вопросы и предложения возникали и обсуждались в Комуче не раз. Комуч занимался ими не одно, а несколько заседаний, и в большинстве своем приходил все же к одному и тому же решению: оставлять Казань после происшедшего ни в коем случае нельзя; оставить ее немедленно же — это значило вызвать страшную панику среди городского населения, с таким восторгом встретившего Народную армию, и подорвать всякое доверие к власти и к движению. Можно было оставить Казань, вывезя оттуда золото, военные материалы, но для

этого необходимо было пробыть в Казани 2-3 недели, а пробыв 2-3 недели добровольно оставлять город — это значило сознаться в своем бессилии. Нужно иметь в виду, что очень многие и из Комуча поддавались настроению победителей. Блестящий успех под Казанью опьянил головы не только нашим военным руководителям казанской операцией, но и членов Комуча. Казалось, еще один такой смелый налет и, кто знает, может быть, и Москва будет нашей. . .

Во всяком случае, отступление назад, возврат на прежние позиции при том настроении среди солдат и населения, какое создалось в результате завоевания Казани, считалось всеми нами гибельным и невозможным. Благодаря этому и пришлось примириться с перестройкой плана.

П. Д. Климушкин